

#2022

ПРОБУЖДЕНИЕ

PROBUZDENIE

«Свобода
неделима.
Нельзя урезать часть,
не убив целое».
М. Бакунин.

12022

ПРОБУЖДЕНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
13 ОТДЕЛ
ИМ. В. И. ЛЕНИНА

64-199

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ РАБОЧИХ СОЮЗОВ БЕЗВЛАСТНИКОВ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ

PROBUZHDENIE

9219 RUSSELL STREET

DETROIT, MICH.

№ 60—61

ИЮЛЬ—АВГУСТ 1935 Г.

СОДЕРЖАНИЕ: Ж. ГРАВ Основы анархической программы.—Б. ГЕРШЕН-ФЕЛЬД. Национализм. — АВТОНОМОВ. Причины непреодолимости депрессии. — М. РУБЕЖАНИН. Древне-римские диктаторы и мы. (Продолжение).—АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК. Толстой анархист. — М. БАКУНИН. Программа общества международной революции. — К. Ф. ГОРИН. Угроза новой мировой войны. — О. КОТОВ. Христианство и социализм.—Мелкие заметки и сообщения.

JEAN GRAVE.

Основы анархической программы

Что анархическое движение пало до небывало низкого уровня, и что у него действует только одно крыло, — этого не приходится от себя скрывать. Притом-же многие-ли из тех, кто теперь именуют себя анархистами, действительно поняли идею анархизма?

Они созывают конгрессы, решения которых — законы для всего мира. Они имеют официальный журнал, редакцию которого меняют по прихоти, и так далее, в таком же роде. Что это является анархией — в этом я сомневаюсь (разумеется, я говорю о Франции, с положением в других странах я недостаточно знаком).

Чрезмерно повышенное революционное настроение (на словах) также в моде у этих людей. Эрве, может быть, и содействовал возникновению и развитию этих настроений, но, увы, они существовали уже задолго до него у анархистов.

Тем не менее, нынешние анархисты остались верными одному пункту нашей программы: ненависти к войне и милитаризму. Нужно признать за ними эту заслугу. Некоторые, под именем «добросовестных возражателей», не испугались даже тюрьмы и отказались от какой бы то ни было военной службы. Они нашли себе подражателей среди не-анархистов. Это не уменьшает заслуги ни тех, ни других.

Этого, однако, недостаточно, чтобы внушить массам ненависть к милитаризму. Дух мученичества редко встречается. Отказы от военной службы останутся исключениями. И за это никого не следует порицать. В спокойные времена, какова бы ни была сила убежденности отдельных лиц, прежде чем обречь себя на вечную тюрьму, следует подумать дважды. Но есть другой способ агитации, который может воздействовать на массы: это — кам-

пания в печати и через посредство митингов, — кампания, ведущаяся настоящим.

Правители осмеливаются лишь на то, что население, по своей инертности, готово снести. В качестве примера еще раз укажу на кампанию в пользу заключенных Монтжуixa и Руссе, которую вели когда-то «Тан Нуво». Мы добились тогда освобождения тех заключенных, в защиту которых кампания была начата.

Почему не возобновить эту тактику? Тем более, что не одни анархисты выступают против войны, против милитаризма. Со времени войны повсюду образовались группы для защиты мира и против милитаризма. Но эти группировки бросаются во все стороны, каждая по своему разумению, без всякой последовательности, и большей частью пребывают в бездействии, тогда как если бы они пришли к соглашению между собой, то можно было бы работать очень недурно.

Почему не найдется группа более активной, чем другие, и почему бы ей не взять на себя инициативу по созыву совещания этих групп? Привести их к соглашению и организовать их на основе плана общей кампании, согласно которому каждая группа сохранит свои методы действия, но с тем, чтобы помогать друг другу, и действовать с таким расчетом, чтобы будить общественное мнение и привлекать его внимание к вопросам милитаризма и войны, — такая тактика могла бы сделать из него силу, которая перевернула бы силу власти. Кто знает, это могло бы привести нас и к революции!

Может быть, дело не зашло бы так далеко. Но сделать народ сознательным, сначала бы сделать шаг вперед. Попытка стоит того, чтобы ее сделать. Тем более, что этому примеру могли бы последовать соседние народы. Повсюду есть траги войны, антимилитаристы.

Анархисты должны быть революционерами, тем более, что быть таковыми приходится не только по убеждению, но и потому еще, что в известные моменты, хо-

тим ли мы того или нет, политические и экономические столкновения делают это неизбежным.

Капиталисты и правители добровольно не откажутся от своих преимуществ. До тех пор, пока сила будет находиться в их руках, они будут стараться держать народ в узде. Революция необходимо ускорит эволюцию, ибо лишь после того, как масса хорошенько поймет положение, она будет в состоянии совершить освободительную революцию.

Революция — не цель, а средство. Средство для того, чтобы избавиться от власти и эксплуатации, очистить почву от учреждений гнилого режима и дать возможность заложить основы нового общества.

Но — еще одно «но» — так как ничто не рождается из ничего, революция, могущая разрушить постройки общества, которое нас душит, способная дать нам возможность заложить основы общества, к которому мы стремимся, эта революция ничего не достигнет, если революционеры не подготовят к тому времени экономический механизм, могущий заменить экономический механизм капитализма, подлежащего уничтожению в самом начале революции. — Я не говорю о политическом механизме, который должен быть уничтожен, по которому необходимо будет помешать возникнуть, в каком бы то ни было виде.

Не следует повторять глупости некоторых анархистов прошлых времен, которые, когда им советовали изучать вопрос о том, чем должно быть будущее общество, в ответ нам мчались, «революция! Революция! Плевать мы хотим на общество 2,000-го года! Нам нужна революция!»

Все это было тем глупее, что нельзя было рассчитывать увлечь массу при помощи таких крайностей. Такие слова могли вскружить голову какому-нибудь несчастному мечтателю, — как это уже бывало, — который поверит в эти слова, но из этого не получится иного результата, кроме доброго примера без всяких последствий.

Чтобы увлечь массы, нужны не толь-

ю статьи и речи, как бы революционны они ни были. Нужны еще обстоятельства, о которых я говорил выше, и умение пользоваться ими, когда они окажутся налицо.

Революция — это хорошо, но революция еще не все, как я уже сказал выше. Нужно знать, чем заменить уничтоженные механизмы, и знать это надо не после революции, как говорят ныне, но уже в начале ее, по мере того, как будут уничтожаться капиталистические учреждения. Чтобы достигнуть успеха в этом деле, нужно, чтобы масса снабдила свои мысли идеями, а не словами.

Но — всегда есть какое нибудь «но»! — необходимо также умение воплощать эти идеи в дела, подготавливая во время пропаганды экономические механизмы, которыми предполагается заменить капиталистические механизмы.

Как сказал Кропоткин, с самого начала революция должна внести улучшения в судьбу масс. Если бы революция принесла массе только новые страдания, то масса обратилась бы против нас. Будут ли драться, или не будут, а есть нужно, а для того, чтобы есть, нужно производить. Не должно быть пропасти между обществом вчерашнего дня и обществом завтрашнего дня. Нужно уметь обезпечить производство и распределение продуктов.

Итак, как я уже сказал выше, необходимо, чтобы во время пропаганды анархисты создали в своих группах зачатки экономических аппаратов, которыми они намерены заменить экономические аппараты капиталистов.

Я уже говорил об этих аппаратах много раз и теперь ограничусь перечислением их.

Прежде всего, я назову потребительские общества — и производственные, если таковые будут существовать. — Разумеется, принимая во внимание дух тех людей, которые ими управляют — или входят в них — эти кооперативы недостаточно подготовлены для роли, которую я им ставлю во время революции. Это — вопрос о необходимости пропаганды среди

персонала.

Были некогда так называемые «земледельческие колонии», имевшие в свое время большой успех среди анархистов. Их попытки потерпели крушение, вследствие непредусмотрительности их сторонников. При условии большей предусмотрительности и последовательности, эти колонии могли бы добиться успеха, размножаться и быть большой поддержкой для организации производства и снабжения во время революции.

Возникла мысль создать коллективные мастерские, участники которых работали бы на выделке предметов, отвечающих их вкусам и их фантазии, либо для собственного потребления, либо для обмена. Увеличение числа таких мастерских было бы очень полезно во время революции. Нужно только, чтобы их значение было понято.

В свое время возникла также мысль создать соглашение между потребителями и производителями различных районов с тем, чтобы они осведомляли друг друга о местностях, где можно приобрести по наиболее дешевым ценам товары хорошего качества. Здесь также подобная форма организации могла бы быть полезна, как современному обществу, так и во время революции, когда придет время перейти от слов к делу.

Другую ошибкою анархистов в довоенное время явилось то, что они держались слишком далеко от других. Нельзя сказать, что они не спланивали ряды в трудный момент, но как только этот трудный момент проходил, все опять пряталось по своим углам.

Под предлогом, — все видели, что это был предлог, — что организация являлась не чем иным, как формой власти, одни отвергали ее, во имя «свободной инициативы», а другие, хотя и протестовали во имя своей любви к свободе личности и своего уважения к свободной инициативе, но стояли на деле за такую федерацию, которая фактически представляла собою централизацию.

Были попытки объединить анархистов

в своего рода федерации, в которых, если бы к ним отнеслись серьезно, «бюро для корреспонденции» могли бы стать направляющим центром силою вещей. Эти организации не смогли бы привлечь столько сторонников, чтобы надолго упрочиться и стать опасностью.

Существовал, однако, способ федеризировать группы и отдельных лиц, предоставляя вместе с тем каждому свободу. Этот способ состоял в том, чтобы не создавать постоянных центров корреспонденции.

В группах 5-го и 13-го округов в Париже у нас возникла идея создать «Бюллетень», который печатался бы каждой входящей сюда группой поочередно. При этом центр корреспонденции перемещался бы с каждым номером, не давая ни одной из групп времени захватить — путем централизации — преобладание над другими. С другой стороны, это дало бы возможность анархистам — как группам, так и отдельным лицам — постоянно сохранять связь между собой, обмениваться идеями, знакомиться друг с другом и находить друг у друга необходимую поддержку для предпринимаемых кампаний.

Но аресты помешали нам пойти дальше первого номера. Эту идею надо еще изучить.

Позднее, — под предлогом защиты личной инициативы — возникла своего рода маниф, состоявшая в том, что каждый хотел участвовать только в такой, пропагандистской работе, инициатором которой он сам являлся.

Для таких задач, которые требовали содействия лишь небольшого числа лиц, это не имело никакого значения, так как удары все же попадали в одну и ту же цель, били по одним и тем же слабым местам брони. Так или иначе, задача выполнялась, но когда требовалось более значительное число участников, когда необходимо было привлечь все наличные силы, чтобы довести задачу до конца, то такое дело всегда было обречено на неуспех и приводило к дроблению сил.

Может быть, причиной было непони-

мание основной идеи. Слишком часто так же причиной неудачи оказывалось лишнее тщеславие, ибо каждому хотелось похвалиться, что он что-то изобрел и что он был инициатором.

Личная инициатива действительно является одним из пунктов анархической программы. Но здесь я опять вынужден вернуться к моей аксиоме: самые здоровые идеи превращаются в нелепость, когда их доводят до крайности.

Когда людей разделяют слишком важные разногласия, и если нет способа эти разногласия разрешить, то лучше всего — так говорит здравый смысл — если каждый возьмется за дело по своему разумению, совместно с теми, кто смотрит на вещи так же, как и он. Это лучше, чем разводить споры без дела, или, что несколько не лучше, — пытаться навязать идеи большинства. В последнем случае, результат получается несколько не лучше, потому что в конце концов возникает распря, создающая две группы врагов, тогда как при таком образе действий, когда никто не оказывает давления ни на кого, можно оставаться друзьями. А так как, преследуя одну и ту же цель, вы попрежнему находите точки соприкосновения, то сохраняется возможность помогать друг другу, когда к тому представляется случай.

Но, еще раз повторяю, глупо доводить идею до нелепости. Сколько раз мне приходилось видеть группы, неспособные доводить свое дело до хороших результатов в силу недостатка людей, в то время, как рядом с ними создаются новые группы для осуществления тех же самых задач, причем и новые группы также не имеют достаточно сил и не способны успешно осуществлять свои задачи. Между тем, если бы они соединили свои силы, то могли бы повести полезную кампанию.

Для примера возьму газету. Нашлись люди, обвинившие меня, в связи с изданием «Ла револыт» и «Тан нуво», в том, что я заставил их вести жизнь нищих. Выпрашивать им приходилось чаще всего то, что нам причиталось от должников. Впро-

чем, оставим это в стороне. Утверждаю, что всякие воззвания «к должникам, к подписчикам, к друзьям», были и остаются болезнью всех революционных газет, даже наиболее серьезных, — об иных я не говорю.

И все же, несмотря на то, что и существовавшим газетам трудно было выжить, рядом с ними возникали новые газеты, нужда в которых никоим образом не давала себя чувствовать, и которые чаще всего жили не дольше, чем живут розы, — только одно утро. Эти усилия, затраченные безцельно, могли бы быть направленными с большей пользой для пропаганды.

Меня опять назовут брюзой и обвинят в том, что я причиняю ущерб делу пропаганды, только потому, что я разоблачаю эти маленькие слабости. Тем не менее, я считаю, что не следует закрывать глаза на совершаемые глупости, а наоборот — нужно на их примере учиться, что бы не делать новых глупостей и работать лучше.

Так как я коснулась вопроса об инициативе, то посмотрим, в каких случаях она может проявляться с пользой для пропаганды.

Если мы будем продолжать вариться в собственном соку и обращаться за содействием только к друзьям — анархистам, если будем заниматься только огульным осуждением общества, то никогда не перестанем быть меньшинством, и современное общество долго еще сможет игнорировать наши усилия.

Иметь наши анархические группы, нашу федерацию, объединяющую группы и отдельных лиц, — это само собой разумеется.

Но почему бы нам, наряду с чисто анархической пропагандой, не выбрать слабые места современного социального строя и не напасть на эти слабые места, каждый по своим вкусам и способностям, и не обратиться с призывом ко «всем» тем, которые согласны с инициаторами по вопросу о необходимости разрушить то, что им кажется — и что на самом деле является —

неразумным.

Помимо анархистов, все — за исключением тех, кто наслаждается жизнью и кто держит в своих руках власть, недовольны современным строем. Если некоторые удовлетворяются починкой этого строя, то как много людей, которые идут вплоть до разрушения некоторых принудительных аппаратов и которые охотно приняли бы участие в таком разрушении, если бы им داشت возможность к тому. Отчего же не обратиться с воззванием к этим добровольцам, не заботясь о том, как они думают по другим вопросам?

Атаковать общество в каждом из этих слабых пунктов, значит работать над его разрушением. Нучимся же пользоваться этой тактикой!

Благодаря коварству реакции и особенно вследствие сецтантского духа большинства анархистов, наше движение в застой, но оно не умерло. Оно затронуло слишком много людей, чтобы исчезнуть, не оставив следов.

Как и после всех периодов высокого напряжения, за 5 годами войны последовал период затишья. Все кончено! У людей осталось только одно желание: мирно уснуть, ни о чем не думать. В течение короткого времени, следовавшего за войной, все мечтали только о том, чтобы, ничего не делая, разбогатеть, хотя бы за счет соседа. Даже кризис и безработица, по видимому, их не разбудили.

Люди умирают от голода потому, что заработок не позволяет им потреблять то, что они производят. Поскольку заработная плата будет существовать, для тех, кто ею живет, станет невозможным удовлетворять все свои потребности. Склады полны, люди не работают и подтягивают пояс, никто ничего тут не понимает и даже не трудится понять.

Что общество плохо устроено, это они допускают. Но как делу помочь? Кто старается это поваль? Даже коммунисты, у которых есть большой багаж софизмов и сверх-революционной словесности, не стараются это понять и добиваются только одного: занять места тех, кто у власти, что

ПРОБУЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛИЗМ.

Национализм, имея в основе своей эгоистическое начало, этим самым фактически подтверждает узость своего объекта и свою ограниченность.

История не сохраняет надолго одинаковых, постоянных, не меняющихся явлений. Несмотря на то, что простому нашему глазу кажется всегда неизменно одинаковым — и солнце, и свет его, и теплые, и холодные струи ветра, и бездны воздушного пространства, — фактически же нам известно, что все в природе чередуется разное и всегда меняется. Солнце ясно светит, но всегда разное; дуновение ветра то-же не всегда бывает одинаково; и теплота и скорость его в одно и то же время года — одновременно бывает разное. И день и ночь, чередуясь равномерно, все же никогда не совпадают с

бы, за неимением лучшего, продолжать грязную работу тех, которых они заменяют.

Что-ж, приходится в уныние не следовать! Придет время, когда, устав страдать, люди поймут, что есть задача более разумная, чем словесные протесты. Они захотят понять, почему все так устроено, они станут изучать общественное устройство и станут черпать критические доводы из давно созданной литературы, возникшей задолго до них, станут знакомиться с идеями, пущенными в обращение их предшественниками. Тогда они научатся поражать общество в те места, в которые следует его поражать, чтобы оно рухнуло. Но они также поймут и то, что уничтожить, означает лишь расчищать место, где придется вновь строить. И так как ничто не создается из ничего, так как изменение названий учреждений ничего не изменяет на деле, то им придется прежде всего, прежде чем разрушить, заняться вопросом о тех экономических аппаратах, которые должны будут заменить все то, что революция вынуждена будет с первых же своих шагов уничтожить.

Ж. ГРАВ.

точностью математического вычисления.

То же самое замечается в жизни отдельных людей и целых обществ. Все всегда неравномерно. Благодаря существующему в избытке злу, виновниками которого являются эгоистичные элементы всех наций, стоящие на пути и тормозящие дух всестороннего прогресса человеческого общества, создалась эта национальная проблема. Да этой проблемы не должно быть. Разве могут люди быть неравными? Разве не одинаково живут и дышат воздухом «белые и желтые», и «потерявшие» свою нацию и «нашедшие» или «создавшие» ее? Так зачем же толковать, спорить и терять время на доказательство таких элементарных, природно - естественных прав, как право на свою национальность? Стыдно за людей, создавших такие проблемы и придающих им такое значение, что установить нормальный образ жизни стало невозможным, покуда не победят люди этого зла. И эта преграда, стоящая на пути человечества к новым достижениям и близкой уже к нам иной жизни, обязана своим происхождением эгоисту, единичному и множественному — правителю и националистам.

Я могу быть ярым защитником национализма потому, что люблю свою нацию. Но вместе с тем, могу так-же страдать от этого своего национального увлечения. Ибо в подобных случаях, я часто не сознаю какое огромное зло могут принести мне мои собратья по нации, защищая под этим лозунгом свои личные интересы. Национализм, служа лишь самому себе, своей нации и соблюдая свою неприкосновенность, готовый отделить себя от всех других национальностей и показать себя как что-то индивидуальное, ограниченно замыслу и ему грозит смерть в будущем.

Хорошо мне воспевать свою Волгу и Днепр, да недурно местному уроженцу прославлять свой Гудзон и Делавер. Но если придется проливать кровь свою, чтобы защитить интересы некоторых лиц, владеющих этими реками, действительных хо-

яев, или убивать моих братьев, живущих по другой стороне океана, чтобы завладеть их реками, то я не смогу этого делать, даже если я буду лишен любого звания и почета, чувства любви к родине, или какой либо иной радости в этом отношении. Нет никакого дела в мире, достойного самопожертвования, кроме спасения жизни ближнего; убивать же других людей — преступно.

Национализм, как идея, в реальной жизни людей, которым грозит массовое самонстребление, не может и не должен озадачивать человека. Мысль человеческая должна, особенно теперь, быть занята высшей идеей — сближения и соединения людей всех рас, народностей и национальностей в одну сплоченную гуманностью семью. Разделенные же религиями, национальностями, расами, государствами, да личными интересами люди ощутились в мире ужасной материальной нужды, социального неравенства и духовного упадка.

Правда, каждая нация, как и всякий индивидуум, немного обособлена. Но что из этого? В общем, ведь люди все одинаковы, хотя нет во всем двух равных. В каждом народе, во всякой нации есть свои гении, есть и грешники. Человечеству же нет разницы, кто эти люди, чехи или греки, англичане или русские, индусы или турки. Главное то, каковы они по духу, что представляют они собою как личности, как общество людей и каковы их дела. Всякий дар человеческий, наука и добродетель, откуда бы они ни исходили, дороги и нужны нам. Мы приветствуем горячо все светлое и разумное. Зло и преступность не нужны нам, ибо вредны и пагубны. Какая мне разница в том, эксплуатирует ли меня родной брат, или делает мне зло иностранец, когда от дел одного, как и другого, я неизменно страдаю. Что мне за честь, какое удовольствие и выгода в том, что представители моей национальности, главари моей страны, руководители моего народа пошлют меня ради чуждых мне и близких им интересов, воевать с другими народами, рисковать своей жизнью, защищать свою родину под зна-

менем национализма или патриотизма, если я таким же бедным и бесправным рабом останусь после победы над неприятелем, как и до войны. Не лучше ли мне отречься от своей национальности, уйти от своего народа, сделаться изгнанником, или очутиться в тюрьме, наконец, даже riskовать своей жизнью, чем потерять совесть, стать готовым убивать таких же, как и я людей другой народности, других национальностей.

Исполняя волю чуждых мне людей, посягающих меня на убийство и смерть, чтобы защитить страну, я служу только помещику своим угнетателям, правителям моего народа, эксплуататорам трудового люда, моим повелителям, поработителям и власти имущим.

В сущности, люди вовсе не нуждаются во власти, в государстве, в отечествах с границами, как и в национализме. Власть, национализм и государство служат для нас не более, как предметом нашего закрепощения. Принимая во внимание огромные затраты и жертвы, которые каждый гражданин в отдельности и весь народ отдает своей стране и ее власти за лицемерную услугу, каждый легко может убедиться, что существующие порядки установлены исключительно руками поработителей. Кто не знает, сколько крови пролито за самоопределение народов, за основание государств, установление власти, защиту родины, за расовую и национальную вражду. Выиграло ли человечество в общем от всех своих массовых страданий и жертвоприношений в этом отношении? Конечно, нет! Не будь науки и техники, а с ними и излишка материальных благ, человечество и ныне прозябало бы экономически, либо вело чисто звериный образ жизни.

О нравственной и духовной стороне нашей жизни говорить не приходится. Мир все еще погружен во мрак. Большинство людей еще поныне загнано в тупик. Народы все еще не в состоянии освободиться от государственности, власти и других систем угнетения, да социального и духовного рабства, а также от сомнительного пат-

риотизма и эгоистического национализма. Люди еще не готовы управлять самими собою, решать свою собственную судьбу, но все еще нуждаются в супостатах — лидерах. Поэтому нет уголка в мире без власти, крепостничества, да вообще каких-либо форм умопомрачения и угнетения. Дело государственное, как и национальное, одинаково создает распри между людьми.

Я не националист, не патриот, не государственный и не сторонник власти. Я обыкновенный человек, не делаю себе никаких кумиров и ценю только то, что имеет для меня существенное значение в жизни. Какая мне утеха в том, что я родился в Германии, не этой национальности и ее языка я не знаю, ибо вырос и воспитан в России, люблю эту известную мне родину, а провожу век свой в Америке на чужбине? Какова моя национальность в таком случае и где моя родина? Люди гордятся своей национальностью потому, что в нее входят выдающиеся индивидуумы, есть своя высокая мораль, добродетель, культура, прогресс, естественные и природные богатства. Но ведь о подобном чувстве может поведать нам всякий человек любой национальности. Даже откажется от чего-либо достойного и ценного в своей нации? Считаюсь лишь с этим положением, внимая исключительно своему эгоистическому чувству, всякий националист, прославляя национализм, вводит себя самого в заблуждение. Ибо восхваляя и защищая свою нацию, да все дорогое и близкое мне национальное, я инстинктивно отношусь совершенно безразлично ко всяким заслугам других наций. А между тем, любой националист ничего иного не знает, как только ценить и прославлять одну свою национальность. Мне также хорошо известно, что будучи защитником национализма, при каких-либо спальных народных разногласиях, когда моему народу угрожает опасность, я стану на сторону своей нации, будь правда или неправда со мною. А вместе с тем, поступая так, я вовсе не замечаю, что из всякой международной борьбы черпают пользу только единоличные лица, для кого на-

род является лишь покорным слугою; себе же, как и огромному большинству моей и «вражеской» народности, я приношу один вред и зло.

Национализм также несостоятелен в деле мира и согласия между народами, как и современная государственность, которая бессильна предотвратить вражду и международные конфликты и водворить справедливость внутри своей страны, в своей национальной среде. Я знаю, что у меня, как и у всякого, могут быть родные по крови, которые вовсе не разделяют со мной все мои радости и печали. Их личная жизнь по тем или иным причинам разнится от моей, у них могут быть совершенно иные интересы; они, может быть, знатны и богаты и ничего общего со мной не желают иметь: они совсем не интересуются мною. А ведь они не только одной национальности со мною, но гораздо ближе: они одной со мной семьи, крови! И все же по существу и по положению мы с ними чуждые люди и можем быть вечными врагами. Зато мне могут быть очень близки во всех отношениях честные труженики, чуждые по национальности, по происхождению, но родственные по правам, по духу и положению.

Иные толкователи национализма, при анализе значимости его, готовы выставить одни только хорошие стороны своей национальности, только все лучшие черты своей нации, а о плохих сторонах умалчивают. Такие националисты, оправдывая занятую ими ложную позицию в деле национализма, скажут нам, что это «естественно». Это верно. В век эгоизма, по сию напояз все хорошее и умалчивать обо всем дурном «весьма естественно». Но куда подобные взгляды на вещи будут приниматься за истину, горе и страдание не минует людей. По нашему разумению, естественным будет то, чтобы ничего не удерживать за собой, но даже последнюю рубашку отдать ближнему. Люди, рождаясь, ничего не приносят в мир, а умирая, ничего не берут с собою. Поэтому, также естественно для них ничем не

гордиться, ничего не принимать друг от друга и не ставить себя в лучшее положение, чем другие. Из этого также легко заключить, что ни одна национальность не лучше другой, ни одна нация не превосходит другую.

Если допустить, что в действительности нет двух одинаковых людей, то и не мудрено, конечно, что нет двух одинаковых наций. Но все же из-за этого не должны люди обособляться. Не должны люди переставать быть людьми. Ведь если солнце не всегда одинаково светит, не всегда одинаково греет, то все же оно не перестает делать свое, предназначенное ему, дело: беспрестанно светить и греть.

Действительно, в каждом человеке имеются свои особенности, тем более, в целой нации. Географическое положение, разные исторические факты, экономические и социальные явления, — все это является главными причинами тех или иных особенностей одной или другой национальности. Все эти, от нас независимые причины, сеяли и сеют разнообразные семена, от которых и появились и беспрестанно зарождаются хорошие и дурные качества в каждом народе. И если кто гордится своей национальностью, благодаря ее выдающимся людям, то пусть не забудет и о нехороших качествах то же выдающихся людей его нации. Пусть не таит он их в душе своей... Но опять и опять, каждый из националистов, т. е. сторонников своей национальности, старается непременно выставить заслуги своей нации и старательно умалчивает о всех недостатках своего народа. И это само собой уже говорит о несправедливости взгляда на вещи. Если в среде моей нации имеются гениальные умы, носители добродетели, то, ничуть не гордясь ими, я с радостью посылаю их туда, где в них нуждаются, независимо оттого какой нации те, к кому я их посылаю. Иначе зачем же мне трудиться и днем и ночью над изучением какой-либо проблемы, когда никто, кроме меня, ничего знать не будет. Ведь не только для меня и моего народа

творили люди моей нации, но и для людей других национальностей. Мне ведь так просто, легко и доступно получить от родных свое родное... И нет обязательства в том, чтобы лишь мне досталось все достоинство моей нации, моего народа. И если я считаю себя человеком, то само собой разумеется, что каждый не только гений, но и самый злой из моего народа, подобен мне и я ему. (Он злой только благодаря какой либо случайности). Но я также должен непременно признать, что всякий человек любой нации, тоже равен мне и я подобен ему. Ведь я охотно последую красивому примеру какой бы то ни было нации, я охотно и чистосердечно оценю всякое достоинство всякой нации. И немыслимо будет для меня допустить какое-либо сомнение в возможности усвоения чего-либо красивого, достойного и ценного каких бы то ни было по происхождению людей, какой бы то ни было нации. Я то-же не могу неодинаково оценить заслуги одинаковых по своему масштабу и характеру культурных достижений моей или чужой нации. Я не пожелаю дискредитировать каких-либо заслуг какой бы то ни было «чужой» нации и тоже отнесусь с милостью и сожалением ко всему дурному, проявленному людьми другой нации.

И желаем-ли мы признать за основу вышеуказанное, или нет, время безудержно и безостановочно продолжает творить свое дело: соединение и сплетение всех людей в одно общее нераздельное целое. Духовные особенности всех людей все больше сближаются и сплетаются. И очень радостно сознавать, что такой факт свершается.

Мы видим, из века в век, что несмотря на то, что люди беспрестанно воюют, (националисты преимущественно пекутся обо всем «своем») то покоряя, то покоряясь, возводя народы на разные пьедесталы «величия», духовное начало — душа человека тяготеет всеми этими делами своими и стремится к братству, — вот лозунг осознавшего себя духовного человека нашего времени. Никому не ху-

же и не лучше оттого, что все нации сохраняют свои языки; все могут сохранять их во веки вечные. Правда, мне лично дорог мой родной язык, ибо ни на каком ином я не могу так объясняться; мне лично безгранично дорога культура моей родности и несметные ценности духовного творчества моего народа. Но потомству моему, мыслящему и говорящему на ином жаргоне, изучающему больше всего — ценности своей «новой» нации, дорожащему совсем новой для меня, по «своей» для него родиной, ему совсем чужда «моя» «родная» мне национальность. У него своя! И вот между нами, одинаковыми во всем людьми, появилась новая лишняя проблема. Ее тоже необходимо разрешить, ибо она раз'единяет нас — родных людей по сознанию, по духу и по крови. И история — время, независимо от нас, принимает участие в дележе нашей судьбы и помогает разрешению запутанных вопросов.

Мы являемся свидетелями того, что никакие ценности никогда по истечении веков не оставались собственностью одной нации или одного народа. Люди Англии или Америки раскапывают исторические ценности в Египте; различные народности разных стран всего мира одинаково посылают своих летчиков на северный полюс; любое новейшее изобретение человека, какой бы то ни было нации, коль скоро оно полезно, употребляется всеми народами и все одинаково, извлекая пользу от этого, одинаково дорого ценят имя этого изобретателя, к какой бы нации он ни принадлежал. Духовные светила человеческого рода, случайно родившиеся в Греции, беспрельдно дороги просвещенному арабу, а, родившиеся в Индии, дороже чуткому европейцу, нежели темному индусу.

Между тем, ярые защитники национализма всегда готовы «головой постоять» за все свое национальное. Но кто не знает, что от такой национальной страсти никогда ничего путного не выходит. Если это национальное, общественно-экономическое чувство заменить общечеловеческой дружбой, то всем нациям, всем лю-

дям и всякому индивидууму в отдельности станет гораздо лучше.

Должно ли для меня иметь особое значение то, что я принадлежу к такой-то национальности, а не к другой? Конечно, нет. Ибо каждый другой человек, как и всякая иная нация, одинаковы со мной и с моей нацией. Всякому из нас несравненно дороже благородная личность другой нации, чем отрицательная личность нашей родной национальности. Гордиться же своей национальностью только потому, что я к ней принадлежу, как-то неловко и даже смешно. Ведь не стану я убеждать людей и гордиться тем, что я никто иной, как я. Ведь не могу я не быть самим собой. Также не стану отрицать того, что принадлежу к нации, в которой мне случилось родиться, или получить воспитание, как не стану из-за этого прославлять ее, придавать моей национальности особое значение. Ибо что из всего этого, если это не более, как жизненная случайность. Я, как и каждый человек, до известной степени знаю себя самого. Знаю, что у меня есть хорошие и плохие стороны. Всегда я стараюсь показать людям все хорошее в себе и скрываю все дурное. А в таком случае я неправдив с окружающими, ибо рекомендую свои хорошие качества, представляя себя с лучшей стороны, не будучи свободным от плохих наклонностей, я становлюсь двуличным человеком. Желая показать себя в лучшем свете, я ищущу выгод, удобств, незаслуженное первенство, исключительные права. Охваченный личным эгоизмом, я готов принести вред ближним для личного успеха, притом, мнения общественного о себе испортить не хочу. Таким образом, приводя верящих мне людей в заблуждение, я, несомненно, нечестен.

Кто ищет личного преуспевания, престижа, тот невольно должен наступать на ближнего. Лишь только во вред кому-нибудь, можно себя самого прославить, самому возвыситься. То же самое происходит с национализмом. Люди трактуют о хороших качествах своей жизни, выдающихся делах ее представителей и обо

исем, что только есть ценного в ней. Но они строго умалчивают обо всем неприглядном, северном и жестоком, чем не в малой мере страдают все нации.

Многие крайние националисты совершают такие ужасные дела, за которые сами лично не пожелали бы быть ответственными. Национализм преимущественно защищается теми, кто жаждет торжества именно своей нации. Даже в интернационализме, национализм играет не последнюю роль. Это видно из того, как во всех почти международных связях большие нации, представители больших и сильных народов являются решающими повелителями судеб малых. Порою, иные националисты особенно ратуют, (конечно, двусмысленно) за интернационализм. Но их цель — в интернационале подчинить своей нации все остальные национальности. В общем, национальное чувство, как нечто собственное, явление эгоистического порядка. Кто больше защищает свою национальность, кто больше готов за нее пожертвовать, до смерти бороться, тот равен тому эгоисту, который готов на все, чтобы защитить свои личные интересы. А между тем, нет такой идеи, которая стоила бы человеческих жертв.

Иные истолковывают национализм, как полезное дело, служащее помощью народам к самоопределению, а с этим и утверждению «здоровой реальной жизни». Это, по их мнению, составляет чисто практическую сторону предмета. Интернационализм, наоборот, что-то безпросветное, не фундаментальное, идея «поднебесная». Конечно, национализм очень «практичен и реален», когда берется кто либо его насаждать. А кто не повинуется воле его, не проникается национальным чувством, когда царствует самодержавно идея национализма, тот поплатится очень дорого за свои противоположные убеждения. А когда суеверные националисты ослепеют, то не сдобровать другим националистам, которые благодаря безсилию или малочисленности, или вообще неспособности защищаться, очутились в зависимости от тех националистов, в чьих руках сила и

власть. С другой стороны, если национализм уподобить науке и признать его в таком случае важным фактором в жизни людей, то лишь тогда он будет действителен для нас, когда (безразлично откуда, от какой нации ни исходил бы) со всеми своими культурными ценностями и достижениями растворится в массах человеческих и заразит их особой духовной мощью. Такой национализм есть интернационализм. Но национализм, уподобленный патриотизму, находящий свое величие в скорлупе своей национальности, незначителен для человечества, ничтожен в жизни людей. Ибо в таком случае, одна нация может быть уничтожена другой. Национализм даже, как естественная особенность, рискует своим существованием.

Итак, национализм, подобно патриотизму, есть фанатичное мышление, верить в прочность которого способны лишь люди ограниченные и суеверные. И если он по существу своему и не является тормозом к прогрессу человеческого общества, то во всяком случае несколько не содействует прогрессу. Поэтому можно национализм причислить к идеям, проходящим и даже уже отжившим. Для человечества вообще национализм не более, как мертвая буква.

Более существенная и крайне необходимая жизненная идея, это — единая мировая любовь. Она имеет самую возвышенную цель: служение ближнему. Только эта единственная идея в состоянии уравнять людей. По глубокому значению своему она бесконечна. А чтобы у нас не было на почве национализма споров и раздоров (их не должно быть в человеческих обществах), мы не должны переоценивать свою национальность и недооценивать другую национальность. Наоборот, нам легче поступиться своим добром, нежели безответственно распоряжаться чем либо чужим. Мы должны воспринимать все ценное, достойное и нужное от всех людей, но должны отказаться от всего дурного, как и вообще ненужного, да жестокого, в чем нет недостатка в любом из нас, как и в любой нации.

Причины непреодолимости депрессии.

В первые годы кризиса власти смотрели на него сквозь пальцы, полагая, что это спонтанное зло само собой ликвидируется. Почти во всех правящих кругах господствовало мнение, что кризис — явление временное, периодически повторяющееся через каждые несколько лет, связанное, так сказать, с роковой неизбежностью. А что неизбежно — то неизбежно: его не предотвратишь и не ликвидируешь прежде времени. Как бы ни хотелось поскорее избавиться от нарыва, но нужно дать ему возможность «выстояться», «созреть», самому лопнуть, после чего, конечно, наступит быстрее оздоровление организма.

Так думали правительства. Время, однако, шло и не оправдывало их чаяний. Прошел год, два, три — кризис не прекратился. Правительствам поневоле пришлось прибегнуть к хирургическим методам — вмешаться в ход истории. И в настоящее время нет ни одной страны, правительство которой так или иначе не старалось бы ликвидировать депрессию. Везде идет борьба за оздоровление народного хозяйства, во всех странах власти тем или иным путем хотят разогнать зловещие тучи депрессии.

Увы, тучи не расходятся. Все мероприятия властей лопаются, как мыльные пузыри. Депрессия продолжает господст-

вовать... В чем же дело? Почему это социальное чудовище оказалось таким живучим? Почему мероприятия властей не приносят желанных результатов? Где тут «собака зарыта»?

Причин непреодолимости депрессии есть много — мы не намерены в данном случае всех их перечислять. Укажем лишь на одну: на национализм.

Казалось бы, что общего между национализмом и экономическим кризисом? Национализм — понятие идейное, духовное, а экономический кризис — болезнь народного хозяйства. Увы, тут есть много общего. Не только мы, анархисты, не только радикалы и революционеры, но и некоторые сравнительно умеренные элементы признают, что затяжной характер нынешней депрессии обусловлен национализмом.

Национализм прежде всего — сепаратизм. Народы, охваченные национализмом, стараются отмежеваться от других стран, как в политическом, так и в экономическом отношении.

Каждая страна хочет стать независимой, способной обслуживать все свои потребности своими собственными силами. Подобные тенденции мы наблюдаем сейчас во всех странах. Подогретый войною и имевший в начале ее, преимущественно политический характер — национализм проник постепенно во все поры хозяйственной жизни.

По нашему, важнее всего всем людям быть спаянными братской любовью, общечеловеческими интересами, освободиться от всяких перегородок: сплотиться в одну семью. Притом не забывать первую жизненную обязанность: уважение и долг во всем перед ближним. Духовная связь между всеми людьми, как необходимая добродетель, должна жить. Она — единственная надежда всех людей для осуществления всеобщего блага, равенства и справедливости. А это главное в жизни, к чему может и должен стремиться каждый человек и все человечество.

Б. ГЕРШЕНФЕЛЬД.

Не найдется почти ни одной страны, где бы не велась продажной прессой кампания за то, чтобы население покупало предметы только своего собственного (национального) производства. В Соединенных Штатах подобные кампании в большинстве случаев поднимают газеты Херста, принявшие чуть-ли не фашистскую окраску. Правительство тоже, конечно, не отказывается от газет. Все действия правительства — будь оно демократическое или фашистское — направлены к тому, чтобы оградить рынок страны от иностранных товаров. На языке правителей это называ-

ется — борьба с депрессией, в сущности же это — культивирование экономического национализма.

В результате всего этого — исчезновение международного рынка. Каждая страна оградилась себя высокими таможенными пошлинами, замкнулась в себе и старается производить все то, что она раньше ввозила из-за границы.

Это, однако, еще не все. Обслуживать самостоятельно все свои потребности — вещь не плохая, если бы это в конечном итоге не вело к поднятию цен на предметы потребления. Вот тут-то и начинается сказываться пагубность экономического национализма. Оградив свой рынок высокой стеной протекционизма, правительство тем самым сводит на нет торговлю. Если, скажем, американцы не хотят ввозить товаров из Японии, то стало быть, японцы не захотят ввозить товаров из Америки. Товары остаются внутри страны. И чтобы промышленность не разорялась, правительство вынуждено субсидировать промышленников или же искусственно взвинчивать цены на товары. В большинстве случаев и то и другое практикуется вместе. В Америке субсидирование промышленности начал еще Гуввер; Рузвельт, продолжая это, в то же время практикует поднятие цен. Расплачиваться за все это, конечно, приходится рабочим слоям населения — в виде налогов или в виде переплаты на рынке. Но так как карман массового потребителя не «истощимый источник», так как карман этот в большинстве случаев пуст, то вполне понятно, почему все мероприятия правительства, базирующиеся на экономическом сепаратизме, обречены на неудачу. Нельзя, ведь, бедному, обнищавшему покупателю внушить мысль, что он должен с особым рвением покупать продукты, так как они национального производства.

Покупатель, быть может, и желал бы исполнить этот «долг», но кошелек не позволяет. Простой хозяйственный расчет потребителя — купить подешевле, а этого не может быть там, где торжествует экономический национализм.

Классическим примером в этом отношении может быть Германия. Все национальное Гитлер возвел в святыню. Широко распространена ненависть ко всему чужеземному, ко всему инакоплеменному. И что же? Возродилась-ли Германия экономически? Ничего подобного! Безработица процветает, хозяйственный застой не прекращается. Единственно чего достиг Гитлер своей национальной политикой — вздорожания жизни. Цена на хлеб, например, в Германии в 3 раза поднялась по сравнению с мировыми ценами.

Обычно думают, что экономический сепаратизм способствует удержанию заработной платы на известной высоте. Говорят: долгие иностранные товары, ибо они изготовлены дешевым трудом. Подобного мнения, между прочим, придерживается Американская Федерация Труда. Но это мнение малоутешительно, ибо каждый рабочий не только производитель, но и потребитель. Что из того, что рабочий, получив несколько долларов больше, в то же время должен на всем переплачивать? Кроме того, мнение это неверно и несправедливо. Неверно оно потому, что интересы рабочих тут подменяются интересами капиталистов; несправедливо — ибо оно разбивает международную солидарность рабочих. Вместо того, чтобы бороться за улучшение положения рабочих во всех странах лица, типа главарей А.Ф.Т., думают только о повышенных ставках для членов своих юнионов.

Небезынтересно в связи с этим отметить, что на конференции мэров портовых городов, состоявшейся недавно в Нью Йорке, полностью была осуждена политика протекционизма. Все делегаты утверждали, что жизнь портовых городов замирает главным образом потому, что благодаря протекционизму, торговля сведена на нет.

Там, где прежде дымились пароходы, где выгружались и нагружались товары, — там теперь царит покой. Стало быть, даже некоторая часть буржуазии приходит к заключению, что путем экономической обо-

М. РУБЕЖАНИН.

Древне-римские диктаторы и мы

2. Юлий Цезарь (100 - 44 до Р. Х.)

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Сделанная выше экскурсия в область политических и социальных отношений различных общественных группировок, по разному реагировавших на ход событий и их направление в ту или иную сторону, поможет нам разобраться в сложной обстановке, создавшейся ко времени приближения к последнему акту данной драмы, главное действующее лицо коей — Юлий Цезарь — все еще орудует в Галлии, вдвигая и вне зависимости от бурливого Рима.

Правда, непрекращающееся паломничество римской элиты в Галлию, на поклон могучему полководцу, очень гостеприимному и щедро одарившему «дорогих» гостей, говорило о том, что Юлий Цезарь и на чужбине интересовался римскими делами может быть в большей степени, чем галлами.

Во всяком случае, не римский сенат, а на конференции в Люцце, в пограничном герцогстве Цизальпийской Галлии, решались будущие судьбы римской империи. Кроме Красса и Помпея, на этой конференции присутствовало 200 сенаторов, прибывших из Рима и 120 ликторов, сопровождавших своих начальников. Цезарь, разумеется, позаботился о том, чтобы еще больше привязать к себе эту продажную знать пирами и деньгами.

И ему не представило особых затруднений снова потушить в Риме пламя недовольства против себя со стороны аристократической партии, взбудораженной тревожными речами вернувшегося из ссылки Цицерона.

Но на этой же самой конференции беспричинности нельзя избавиться от депрессии.

Тут нужны меры международного характера.

ли посеяны семена будущих серьезных осложнений, приведших впоследствии к распаду триумvirата и непримиримой вражде между Цезарем и Помпеем — друзьями и родственниками, — имевшей роковые последствия для обоих.

На означенной конференции Цезарь, как известно, согласился на назначение Помпея проконсулом обеих испанских провинций на пятилетний срок, а Красса — проконсулом Сирии, где он и погиб на войне с парфянами.

Цицерон, после разговора с своим братом Квинтом, близко стоявшим к Цезарю, как один из его генералов, прекратил нападки на Цезаря в сенате и принялся восхвалять его. Очевидно, что не только увещевания брата, но и подарки Цезаря возымели на Цицерона свое действие.

Цезарь продолжал свои «завоевания» в Галлии, и был занят подавлением нового восстания бельгийцев. Красса не было в живых, и Помпей один хозяйничал в Риме. Взятничество, подкупы, продажность судов и должностных лиц расцвели пышным цветом с легкой руки самого Цезаря и под благосклонным взором триумвиров.

Надо было принимать какие-то меры против самих же богачами вызванных демонов. Конечно, почтенный профессор Фаулер во всех этих грехах винит не Цезаря, ни Помпея, ни других их единомышленников, развращавших и чернь и суды и сенат подкупом, взятками, подачками и демагогией, а «анархических трибунов» и клубы избирателей, пытавшихся отстаивать права и интересы плебеев и республики.

Напуганная дерзкими речами и возрастающей революционностью плебеев аристократия устремила свои взоры на Помпея, у которого была армия в Италии,

АВТОНОМОВ.

как на своего спасителя. Заговорили о том, чтобы объявить его диктатором. Цезарь ничего не имел против диктаторства своего зятя.

Как раз в этот критический момент случилось одно непредвиденное обстоятельство: умерла от родов молодая жена Помпея, — единственная дочь Цезаря, служившая в течение пяти лет связующим звеном и посредником между своим отцом и мужем. Цезарю нужен был Помпей, и он безуспешно пытался во второй раз связать его с собой родственными узами, попросив у Помпея руки его дочери от первого брака и предложив ему в жены свою собственную внучку. Помпей отклонил эти предложения. С этого момента начинается отчуждение Помпея от Цезаря.

13-го января (в 52 г. до Р.Х.) в Риме имел место «клюдийский» инцидент, почти через две тысячи лет спустя повторенный Гитлером в Берлине: древне-римский «фашист» Милон на Аппианской дороге убивает Клодия, известного «коммуниста» — безбожника, святотатца и сожигателя Помпея — жены Цезаря. Возмущенные убийством своего трибуна и щедрого благодателя, плебей сожгли здание сената, к которому не питали особенного благорасположения, как к цитадели аристократической партии. Милон — кандидат этой партии в консулы и исполнявший обязанности консула Лепид — заперлись в своих домах от окружившей их толпы.

Всей этой историей и воспользовался сенат для того, чтобы провозгласить Помпея римским Гитлером. Без всяких выборов, по предложению Бибула, одного из самых непримиримых врагов Цезаря, Помпей был назначен сенатом единственным консулом с диктаторскими полномочиями. Таким образом, неожиданно для себя аристократический сенат принужден был призвать в «спасители», в усмирители черни, Помпея, — плебея — полководца, — ненавидимого аристократами и ненавидевшего «отцов — сенаторов».

Помпей ввел войска в Рим, навел порядок и назначил вторым консулом своего

тестя Сципиона. Фактически Помпей превращается в диктатора с одобрения сената, боявшегося и Цезаря и плебеев в большей степени, чем Помпея, в свое время, после возвращения с азиатского похода, добровольно не пожелавшего стать диктатором, и распустившего свои легионы как раз в тот момент, когда, раздираемый внутренней фракционной борьбой, беспомощный Рим ожидал появления нового Суллы.

Выдающийся полководец, природный воин, человек прямой и не склонный к политическим авантюрам, убежденный притом республиканец, Помпей был полной противоположностью Цезаря, не брезгавшего никакими средствами ради собственного самовозвеличения и захвата власти.

Как покоритель Митридата, Армении, Сирии, Иерусалима (Помпей из любопытства вошел «в святая святых» иерусалимского храма, но не тронул его богатств) и всей Малой Азии вплоть до р. Евфрата, — Помпей пользовался в Риме славой великого полководца, который мог быть противопоставлен Юлию Цезарю, представлявшему большую угрозу аристократическому Риму с его республиканскими и полудемократическими традициями.

Помпей хотел сохранять республиканский Рим, создавший почти мировую империю, под ударами которого падали азиатские монархии, деспотии и вечно враждовавшие между собой греческие города-республики. Идея единодержавия, диктатуры, королевской власти, мысль о том, что огромная римская империя может быть лучше управляема властью одного человека, чем коллективной мудростью преимущественно аристократического сената казалась не только Помпею, но и подавляющему большинству римлян чем то несуразным, деспотическим, азиатским, противным римскому естеству, обычаям и традициям.

Великий Рим, который даже на заре своей истории не терпел единовластия, имел нескольких королей одновременно, выполнявших служебные обязанности поочередно, и которые в конце концов были яв-

гнаны из Рима (в 509 г. до Р.Х.), не мог мириться с покушениями тех или иных отдельных лиц на республику, хотя и не без недостатков, но с известными вольностями и гражданскими правами, порождавшими в римлянинах гордость и сознание своего собственного достоинства.

Юлий Цезарь принадлежал к авантюристическому типу людей. И республика, и римские традиции, слава и мощь интересовали его постольку, поскольку все это можно было использовать в своих личных, корыстных и властолюбивых интересах.

Галльская провинция ему была нужна прежде всего для своего собственного обогащения и возвеличения. Не потому, что он уж очень любил золото и деньги, а потому, что без всего этого нельзя было ни развращать плебеев, ни подкупать нужных ему в Риме патрициев и других людей, ни привязать к себе солдат, благодаря щедрым подачкам.

Опираясь на большую и закаленную в боях армию, Цезарь мог идти войной на Рим, чтобы ниспровергнуть республику, уничтожить мешавших ему людей и пренебречь повелителя римской империи. Он принадлежал к числу людей, которые свое своеволие и личные амбиции ставят превыше всего и, которые, раз вкусив сладостей высшей власти и господства, уже не хотят расставаться с ними и готовы на всякие преступления, чтобы остаться у руля правления.

Надо было только увлечь за собой римские легионы, а это не представляло особых затруднений. Профессору М. Ростовцеву *) кажется странным, что Сулла, а потом Цезарь, в борьбе против республики могли встретить поддержку в армии, состоявшей из пролетариев и крестьянской бедноты, которые казалось-бы обязаны были быть на стороне противников диктатуры. Но, говорит проф. Ростовцев, мы должны помнить, что новая армия всегда имела в виду только личные интересы — военную добычу, наделы земли, деньги и

другие привилегии.

Очевидно, что, по тем-же самым соображениям и шкурным интересам, красная армия в СССР и солдаты немецкие, итальянские, польские и других стран, обращают свои штыки и мечи против народа по мановению руки наших современных диктаторов и правителей.

Приближался решительный момент. Срок проконсульства Цезаря истекал 1-го марта, 49 г. до Р.Х., и ему грозила потеря армии и провинций. Вернуться в Рим частным человеком, отдать себя на волю враждебного ему сената, рисковать своей карьерой и может быть головой Цезарь не имел желания. Необремененного властью, его могли судить за вымогательство, или государственную измену. Пришлось-бы прибегнуть к подкупам, лишиться своего огромного состояния, снова очутиться на положении зависимого от богатей человека, а в худшем случае — попасть в ссылку и умереть политически.

В свое время Цезарь принял меры, чтобы оградить себя от, возможных в будущем, подобных неприятностей. Посланные ему народные трибуны, не без взятки разумеется, в избирательном консульском законе сделали для Цезаря исключение в том смысле, что он может выставить кандидатуру в консулы, находясь в Галлии, без личного присутствия в Риме, требуемого законом. Консульская тога сделала-бы его недосигаемым для своих врагов, искавших удобного случая для сведения с ним счетов.

В свое консульство он позаботился-бы о назначении его проконсулом в какую-нибудь провинцию, и снова мог-бы избежать суда и ответственности. Обвинявший других вельмож и начальников, Юлий Цезарь, чувствовавший за собой немало грехов, упорно уклонялся от дачи ответа за свои деяния.

В Риме, однако, обстоятельства складывались далеко неблагоприятно для Цезаря. Поддерживаемый Помпеем сенат решил во что бы то ни стало посчитаться с опасным и зазнавшимся полководцем. Сенатом были отрезаны ему все пути к от-

*) М. Rostovtzev. The Social and Economic History of the Roman Empire.

ступлению, благодаря проведению нескольких законов, разрушавших все планы и расчеты Цезаря. Этими законами он был лишен привилегии заочного выставления своей кандидатуры в консула, и даже если-бы он лично явился в Рим и был бы избран консулом, то правом на проконсульство и получение провинции мог-бы воспользоваться не раньше пяти лет. А в этот промежуток его, как частного человека, могли-бы ожидать большие неприятности, о характере которых упомянуто выше.

Все эти мероприятия сената были не чем иным, как объявлением войны Цезарю. С задней-ли мыслью, а может быть и искренно, Цезарь сделал несколько попыток предотвратить назревавшую гражданскую междоусобицу. Летом в 50 г. до Р.Х., через одного молодого трибуна, он предлагает сенату предупредить конфликт посредством одновременного разоружения обеих сторон — Помпея и его, Цезаря. Сенат как будто-бы соглашался на мирную, но консул Марцелл воспротивился:

— Вы голосуете за то, чтобы Цезарь был господином над вами!

Готовность к улажению конфликта рассматривают и в исполнении Цезарем требования сената о присылке в Италию двух легионов для участия в войне с парфлянами. Побавившийся обоим полководцев сенат подумывал о том, чтобы избавиться от Помпея, послав его в Азию. Сенат был уже всецело во власти одного из конкурентов — Помпея, — представлявшего для него, однако, наименьшую опасность.

Новые консульские выборы принесели победу противникам Цезаря. Из его сторонников на трибунские должности попали только М. Антоний и К. Кассий.

С вступлением в должность новых консулов — Лентула Круса и Клавдия Марцела 1-го января, 49 г. до Р. Х., сейчас же в сенате занялись делом Цезаря. Курион от имени последнего сделал сенату новые мирные предложения, в искренности которых многие историки сомневаются: Цезарь будто-бы был готов отказаться от

Трансальпийской провинции и восьми легионов при условии, что сенат позволит ему удержать за собой Цизальпийскую Галлию с двумя легионами, или эту провинцию и Иллирию только с одним легионом. После-же избрания его консулом, он готов отказаться от всего этого и предоставить себя на волю Рима.

В сенате враждебно отнеслись к шантажированию его Цезарем. Оба консула воспротивились обсуждению этих предложений. Лентул заявил, что «против разбойника Цезаря нужно оружие, а не голоса» (Плутарх). Возбужденный сенат на требования Цезаря ответил ультиматумом, приказывавшим ему сдать провинции и армию к определенному сроку (первому июля), под страхом объявления его врагом народа.

В ответ на вето (запрет) трибунов Антония и Кассия, 7-го января последовало объявление в Риме военного положения. Трибунам грозила расправа, и они тайком убежали к Цезарю. Гражданская война была непредотвратима. Рим не хотел казнить перед зазнавшимся полководцем. Юлий Цезарь, располагавший огромной армией, не думал уступать враждебному ему сенату и правящей аристократической партии.

Помимо всех других соображений, привычка властвовать и сознание превосходства своих сил толкнули Цезаря в объятия деспотизма, являвшегося, по словам Светония, объектом его заветных желаний с самого детства. Цезарь, говорит Циперон, любил цитировать стихи Эврипида, восхвалявшие преступление ради трона. Цезарь готовился к развязке, и стянул часть своих войск к итальянской границе, которой считалась река Рубикон, протекавшая с Апеннин в Адриатическое море.

«Даже теперь мы можем еще повернуть назад, — обращаясь к своему окружению сказал Цезарь, подойдя к небольшому мосту на реке Рубикон. Но коль скоро мы переступим через этот мост, то спор может быть разрешен только мечом». И переходя через него, Цезарь воскликнул: «Вызов брошен!»

Перед солдатами он расплакался, и произнес зажигательную речь, не скупясь на щедрые обещания. Некоторых из солдат, стоявшим издали, даже показалось, что Цезарь обещает каждому из них рыцарство и награду в 400,000 сестерций. Солдаты, разумеется, пошли за своим предпринчивым и щедрым полководцем. В тонкостях затейной игры они не разбирались.

В то время как Цезарь шел на Рим во главе, по меньшей мере, восьми легионов, почти неподготовленный Помпей мог противопоставить ему в Италии не более двух легионов наспех набранных солдат. Другие, лояльные Помпею, воинские части находились в Испании, Сицилии и в других провинциях в Азии. Сразу же обнаружилась безнадежность борьбы с Цезарем в Италии. Помпей мог дать ему бой только после соединения своих разрозненных сил, а пока что надо было уходить с своей небольшой армией из Италии.

Декрет Помпея возвестил римлянам о прекращении действия законов и анархии (отсутствии власти). Обоим консулам, сенаторам и всем защитникам республики и свободы было приказано покинуть Рим и следовать за армией Помпея, направившейся в Капуя.

Не встречая нигде серьезного сопротивления, Цезарь «победоносно» продвигался по Италии. 9-го марта 49 года до Р.Х., он уже достиг Брундизия с шестью легионами. Помпей был еще в городе, но часть его войск отплыла в Эпир, вместе с двумя консулами. Цезарь пытался блокировать порт и добиться личного интервью с своим бывшим зятем Помпеем. Ни то, ни другое не удалось: Помпей уклонился от интервью и 17-го марта, прорвав блокаду с потерей только двух судов, ушел в Эпир.

Благодаря этому маневру, армия Цезаря оказалась между двумя враждебными ему перешейками — Эпиром с армией Помпея и Испанией — с другой лояльной сенату армией под командой легатов Помпея, — Марка Петрия, Луция Афрания и Марка Варро. Не допустить сое-

динения этих армий, дать бой прежде всего самой сильной из них в Испании, — такова задача Цезаря, овладевшего Италией в течение 60 дней.

По пути в Испанию Цезарь заглянул в Рим. В Формии состоялось его свидание с Цицероном, другом детства. Он безуспешно уговаривал его вернуться в сенат. Цицерон соглашался на это только при том условии, что ему позволят свободно высказывать свои взгляды и мнения. Цезарь на это не согласился. Сделка не состоялась.

В последних числах марта 49 г. до Р.Х., Цезарь прибыл в Рим. Антоний и Кассий создали оставшихся в Риме сенаторов. Цезарь винил сенат в непослушании ему, в неисполнении его требований, как будто-бы сенат и республика только существовали для того, чтобы исполнять волю и желания самозванца — диктатора.

Впрочем, разговор с сенаторами был краткий, но вразумительный: «Если вы, господа хорошие, не хотите сотрудничать со мной, помогать мне, то я обойдусь и без ваших услуг».

Народный трибун Метелл, опираясь на закон, хотел помешать Цезарю забрать деньги из казначейства. Резко оборвав трибуна, Цезарь заявил, что ссылка на законы в военное время неуместна: «Не только деньги, но и все вы, принадлежащие к враждебной стороне, пойманные мною, принадлежите мне».

Метелл, однако, не уступал и не выслал Цезаря из казначейства. Он оттолкнул трибуна, взломал дверь и пригрозил Метеллу расправой:

«И ты хорошо знаешь, молодой человек, что для меня неприятнее угрожать убийством, чем привести эту угрозу в исполнение». (Плутарх).

Цезарь отбыл в Испанию 5-го апреля, назначив Лепиду префектом Рима, а Антония про-претором и командующим войсками в Италии. Своим друзьям перед отъездом Цезарь хвастливо заявил: «Я отправляюсь в Испанию, чтобы встретить армию без генерала, а позже я вернусь для того, чтобы встретить генерала без

армии» (Светоний).

Второго августа 49 г. до Р.Х. легаты Помпея — Афраний и Петрий, после многих боев, принуждены были капитулировать. Через некоторое время такая же участь постигла армию Варро в Дальней Испании. К концу сентября вся Испания была уже в руках Цезаря. В Африке, однако, армия Цезаря под командой Куртиона понесла поражение. Западная часть римской империи была уже завоевана Цезарем, но для полного утверждения своего господства надо было ликвидировать Помпея.

Из Испании Цезарь снова заглянул в Рим. Он был объявлен диктатором, и в этом звании пробыл одиннадцать дней. Вместе с Сервилием Изавриком, его избрали на консульскую должность, после чего он отбыл для ведения войны против Помпея.

В распоряжении Помпея находилась вся восточная половина империи с ее армией и флотом. К концу 49 года до Р.Х., он стягивал отряды восточных войск в Македонию с целью сконцентрирования их на противоположном Италии берегу Эпира, — в главном порту Дурррахии, ныне Дураццо. Отсюда пролегла великая римская дорога — Via Egnatia — через горы Македонии, по побережью Фракии и Геллеспонта. Эта единственная сухопутная дорога, соединявшая берег Адриатического моря с Средней Азией и Востоком, была в руках Помпея, и так как он контролировал Дурррахий и море, то атака против него со стороны Цезаря представлялась практически невозможной.

Из Брундизии с более чем 20,000 пехотинцев и 600 всадников, 4-го января 48 г. до Р.Х., Цезарь переправился на противоположный берег и высадился на скалистом острове Акроцераврии, приблизительно в ста милях к югу от Дурррахии — места сосредоточения главных сил Помпея. Флот Цезаря должен был вернуться в Брундизию и доставить дополнительную армию под командой Антония.

Не теряя ни минуты, в день высадки, Цезарь начинает наступление на Дуррра-

хию. Греческие солдаты Помпея «изменчески» открывают ворота и впускают Цезаря в портовый город Орик; но несколько замедливший флот его, в составе 30 судов, не успел проскочить в пристань и был сожжен вместе со всеми людьми М. Бибулом, адмиралом Помпея и экс-консулом, над которым в свое время немало издевался Цезарь. Он так же занял Аполонию в 50-ти милях от Дурррахии, открывшую перед ними ворота, как и в Орике.

Слухи о появлении Цезаря и быстром наступлении вызвали панику и волнения в разношерстной армии Помпея. Перешедший от Цезаря к Помпею Лабиев умирил бунтовавших солдат и во время преградил Цезарю путь в Дурррахии. Наступление было остановлено. Цезарь в укрепленном лагере расположился на южной стороне берега р. Эпса, впадающей в море между Дурррахией и Аполонией. Войска Помпея расположились на противоположном берегу. Обе армии бездействовали с января до мая. Цезарь поджидал прибытия подкреплений Антония и уклонился от боя с превосходившими силами Помпея.

Он очутился в довольно трудном положении: путь к отступлению был отрезан, наступать дальше с половиной своей армии не мог. Подвоз провианта становился все затруднительнее, благодаря блокаде неприятельского флота. Цезарь даже пытался возобновить переговоры о мире, но помпеевец Лабиев расстроил этот план. Прибытие армии Антония все замедлялось. Флот Помпея проник даже в Брундизию и атаковал Антония. Нетерпение Цезаря настолько возросло, что он сделал неудачную попытку добраться до Брундизии, что бы лично поторопить Антония, все выкидавшего удобного случая проскочить через блокаду.

Наконец, флот Антония был замечен у Аполонии. Вблизи Тиссы он высадился. Это обстоятельство привело в движение обе армии. Помпей ушел в северном направлении, чтобы атаковать Антония и не допустить его соединения с Цезарем.

Последний-же поспешил на помощь Антонию. Цезарь соединился с прибывшей армией в то время, как Помпей напрасно рассчитывал заманить ее в западню.

После этой неудачи положение резко изменилось не в пользу Помпея. Он отступил в направлении к Дурррахии и занял позиции в нескольких милях к югу от города. Цезарь следовал по пятам, по чересчур осторожный Помпей уклонился от боя, укрывшись в укрепленном лагере. Отсутствие артиллерии в древнее время позволяло избегать принятия боев при неблагоприятной обстановке.

И даже после того, как Цезарь отрезал Помпея от сообщения с Дурррахией, откуда он получал запасы провианта, благодаря захвату единственной дороги, пролегавшей между морем и болотистой местностью, — осторожный Помпей предпочитал бездействие риску сражения с более боеспособной и преданной Цезарю армией. Помпей скорее всего рассчитывал на то, чтобы взять неприятеля измором, чем победить его в открытом бою.

Началась окопная война. Цезарь рздумал «закупорить» армию Помпея путем окружения его лагеря линиями траншей и других укреплений, препятствовавших движениям кавалерии, подвозу провианта и воды. Результаты подобного плана не замедлили сказаться: в армии началась массовый падеж лошадей, особенно беспокоивший Помпея. Надо было разрывать кольцо укреплений, все теснее охватывавшее его лагерь. Не станем вдаваться в подробности многочисленных стычек и эпизодов этой окопной борьбы, закончившейся поражением и отступлением армии Цезаря. В этот день он потерял убитыми: 960 солдат, 5 военных трибунов, 32 центуриона и 32 знамени. Все захваченные пленники были убиты по приказу Лабиена, бывшего цезаревца, ставшего смертельным врагом Цезаря.

Последний нисколько не преуменьшал нанесенного ему поражения у Дурррахии. Если-бы, — сказал Цезарь, — Помпей умел использовать свою победу, то война этим сражением закончилась-бы. Чрезмер-

ная осторожность Помпея, боявшегося попасть в «ловушку», замедлила преследование неприятеля, позволила ему безнаказанно отступить, мобилизовать свои расстроенные силы и дать Помпею новый бой у Фарзалы, имевший для него роковые последствия.

В этом победном для Цезаря бою Помпей потерял 15,000 человек убитыми и ранеными и 24,000 солдат было взято в плен. Помпей, с несколькими своими друзьями убежал в Египет. В Пелузии он был предательски убит Ахиллом, королевским офицером и Септимием, служившим у Помпея, а потом перешедшим на службу к египтянам. Мертвый Помпей, по мнению коварных египетских царедворцев, представлял для них меньшую опасность, чем живой. Гнавшемуся за ним по пятам Цезарю, египтяне преподнесли, в виде «подарка», голову его бывшего зятя. Эта сцена произвела на Цезаря удручающее впечатление. Со всеми участниками этого преступления он потом расправился.

Таков финал «великого» Помпея, несомненно талантливого полководца, убежденного республиканца, награжденного за свои завоевания титулом «первого гражданина Рима». Он погиб в борьбе с человеком, не останавливавшимся ни перед какими преступлениями ради свих корыстных целей, честолюбия и деспотизма. И только потому, что этот прохвост, ввергший страну в братоубийственную войну и толкнувший ее в объятия деспотизма, неизменно выходил победителем из драки, — услужливые историки произвели его в великого и благородного человека и даже в благодетеля чуть-ли не всего мира.

Если и в будущем мерилом оценки людских поступков и деяний будет служить их способность к совершению бесчеловечных злых дел и преступлений, то наши современные Цезари и цезариончики могут не беспокоиться о том, что они, как злодеи и разбойники, не попадут на страницы истории, в качестве героев и «благодетелей» человечества. И выглядит так, что Ленину, Сталину, Гитлеру и тому по-

добным головорезам как будто-бы заранее обеспечено почетное место в веках и в народах.

В Египте очень подвижной Цезарь задержался почти на девять месяцев. Дети короля Птолемея затеяли маленькую войну из-за престолонаследия. Знаменитая королева — проститутка Клеопатра с своим младшим братом оспаривали престол у старшего брата, провозгласившего себя королем. Очарованный красотой Клеопатры, Цезарь пошел войной на ее брата, и не без риска и затруднений одолел армию молодого короля, утопившегося в Ниле после поражения.

Клеопатра и ее девятилетний брат, с которым она обвенчалась, согласно древнему египетскому обычаю, были посажены на трон. Цезарь завел с ней романчик, в результате чего у Клеопатры родился Цезарион, убитый потом Августом, приемным сыном Цезаря.

Проф. Фоулер, рукоплещущий разрушению республики, которая-де показала всю неспособность и негодность к управлению империей, и считающий цезаризм — единовластие более пригодным для этой цели, выявляет теневую сторону этой системы заявлением о необходимости поспешного отъезда Цезаря в Италию, где Антоний, — ставленник Цезаря, — «заслужил справедливое недовольство» со стороны подвластного ему населения.

К. Кассий, другой ставленник Цезаря, «своей суровостью и притеснениями испортил все хорошие начинания Цезаря». В Африке враги Цезаря мобилизовали против него большие силы.

В общем, диктатура и единовластие Цезаря ничего не изменили, а только еще более усилили прежние пороки и преступления, а лиц, их совершающих, сделали еще более безответственными и преступными, как этого не скрывает проф. Фоулер, рассказывающий о безграничном произволе и вымогательствах Кассия, на жизнь которого было произведено неудачное покушение.

В конце концов, и в Азии, и в Африке, и в Испании Цезарь сокрушил всех

своих врагов. В этой борьбе погибли все остальные выдающиеся соратники Помпея: Катон, Сципион, Лабин, сыновья Помпея и многие другие. Последнее сражение в этой гражданской междоусобице у г. Мунды, в Испании, было самым кровопролитным и опасным для Цезаря.

Легионы Цезаря, наткнувшись на отчаянное сопротивление Лабина, заколебались. Мужество Цезаря и на этот раз не покинуло его: он увлек за собой уже дрогнувшие ряды солдат, и спас положение. Сам Цезарь в своих воспоминаниях говорит, что если во всех прежних боях приходилось сражаться за победу, то в последнем бою у Мунды надо было сражаться, чтобы спасти собственную жизнь. У него даже мелькнула в голове мысль о самоубийстве.

Из гражданской войны Цезарь вышел полным победителем. Все враги сокрушены, гордые республиканцы раздавлены. Обескровленный, запуганный и побитый Рим валялся у ног Цезаря.

В сентябре 45 г. до Р.Х. Цезарь победоносно вступает в Рим. Следуют один за другим триумфальные въезды и торжества в честь победителя всех «врагов и супостатов». Поглазеть на грандиозные процессии, гладиаторские состязания, пиры, игры и прочие зрелища и увеселения собралась любопытная публика чуть-ли не со всех концов мира. Новый повелитель Рима, по словам Светония, награждал каждого солдата 34,000 сестерций, кроме 2,000 сестерций, полученных каждым из них перед началом гражданской войны. Они также получили земельные наделы.

Не преминул Цезарь, разумеется, «облагодетельствовать» и римских пролетариев. Каждый из них получил 10 мешков зерна, такое-же количество фунтов масла, 400 сестерций деньгами. Он освободил мелких арендаторов от внесения годовой арендной платы. На общественных пирах веселился весь Рим. В каждой части города устраивались бесплатные бои гладиаторов, театральные и цирковые представления, атлетические состязания и даже показательные морские сражения при

участии актеров всех стран и народов. В одном из гладиаторских состязаний дрались «до победы», потешали публику уже не рабы, а два аристократа: Фурий Лептин, преторианского происхождения, и Квинт Калпурн, бывший сенатор и адвокат. Римский рыцарь и поэт Дидемий Лаберий приужден был на сцене разыграть роль одного из действующих лиц в его собственной комедии, несмотря на то, что актерство считалось для рыцаря позорным поступком. Приглашение Цезаря Лаберием было понято, как приказание. Устройством гонок потребовало расширения цирка. Молодые люди из аристократических семейств управляли колесницами, запряженными четверкой лошадей. Были и двулошадные колесницы и наездники, гнавшие двух лошадей и перепрыгивавшие с одной на другую.

В Троянских играх приняли участие два отряда, состоявшие из молодых и старших юношей. В течение пяти дней под ряд производились состязания людей с дикими зверями. В театральном сражении приняло участие 500 солдат, 20 слонов и 30 всадников с каждой стороны. Атлетические состязания длились три дня. Для демонстрации морского сражения было создано искусственное озеро. В нем участвовали египетские, греческие, тирские, римские и другие моряки.

Наплыв публики в Рим был столь велик, говорит Светоний, что многим приезжим пришлось жить в палатках на улицах, или за городом, при дорогах.

Зрелища, шум, гам, пиры и подачки усыпили и убаюкали одуряченную публику. Она и не подозревала того, что все эти торжества и веселья представляют не что иное, как похороны республики и всех древних вольностей. Ну, что-ж, — Юлий Цезарь разгромил Помпея, Сципиона и всех прочих своих оппонентов, значит, — слава и честь победителю, и горе побежденным аристократам и сенаторам, к которым римские плебеи никогда не питали особенно большой любви и благорасположения, с которыми приходилось вести неустанную борьбу за хлеб, зрелища и пра-

во на существование.

И поэтому — да здравствует Юлий Цезарь, ополчившийся против сената и аристократии. Ликование толпы было, однако, непродолжительным. Превратившийся в несменяемого диктатора, Цезарь не замедлил показать зубы не только аристократии, но и народу. Сенат он наводнил не опытными в административном деле людьми, как это все время практиковалось, а разным сбродом, людьми ничего не смыслившими, но чем-либо угодившими диктатору и даже полудикими галлами, не имевшими никакого представления о политических делах. Цезарь, как и Ильич, очевидно был того мнения, что самый верный способ подорвать престиж сената и республиканской формы правления, это — лаводнить демократические учреждения «кухарками и дворниками», которые, разумеется, сами ничего не смогут сделать и позовут себе на помощь Юлиев, Ильичей и тому подобных вождей, предназначивших себя в диктаторы и повелители. Как человек хитрый, Цезарь не сразу, а постепенно ограничивал народные права и усиливал свою личную власть. Вместо прежнего избрания всех ответственных должностных лиц, он установил новый порядок, при котором половина чиновников избиралась народом, а половина назначалась им. Намеченных им кандидатов Цезарь приказывал тому или иному племени «избрать на такие-то и такие-то должности ваши голоса». Нечто подобное, в несколько замаскированной форме, продельвается даже сейчас, в наших «демократических» республиках, хотя наши политические «боссы» делают это более тонко и гладко. В действительности — наши избирательные бюллетени дают нам только право избрания господ над собой, как об этом правильно заметил один из римских народных трибунов.

Третье, низшее сословие, было лишено права исполнения обязанностей при- сяжных заседателей, каковыми могли быть только лица, принадлежавшие к купеческому, или аристократическому сословию. Начав борьбой с аристократией, Цезарь до-

рался и до плебеев. Он прекратил выдачу казенного пособия 170,000 пролетариям, признав право на получение такового лишь за 150,000 человек. До него-же казна в Риме кормила 320,000 пролетариев, лишенных всяких средств к существованию. Митинги плебеев были воспрещены. Была произведена частичная «чистка» Рима от «нежелательных» элементов, и 80,000 человек выслали («раскулачили») в заморские колонии. Заграничные поездки стеснили, а детям аристократии совсем воспретили, чтобы не были слишком умными (то-же самое делают теперь большевики и фашисты).

Скотоводам, разорявшим мелких земледельцев, вменялось в обязанность иметь в числе наемных рабочих не менее одной трети римских граждан. Иностранцы доктора, учителя, артисты и художники всячески поощрялись и принимались в римское гражданство.

Должники, ожидавшие освобождения от долгов, были разочарованы. Прежде неплатный должник, участник катилинского заговора против богатей, а теперь сам крупнейший кредитор и богатейший в Риме человек, Цезарь, разумеется, превратился в решительного противника уничтожения долгов, но бросил маленькую по-

дачку должникам, уменьшив долги приблизительно на одну четверть.

В гильдиях и других организациях Цезарь, конечно, не нуждался и распустил их (то-же самое делают и в наше время многие правительства). Наказания за преступления были усилены. Убийство гражданина каралось не одной только ссылкой из страны, считавшейся в древнее время тяжелым наказанием. (Сократ, например, предпочел смерть ссылке из Афин), но и конфискацией всего имущества богатей и половины имущества людей небогатых. Он установил таможенные пошлины на иностранные товары, и воспретил римской знати пользоваться литературой, красными плащами и другими дорогими украшениями, за исключением предзнамененных для их употребления дней.

Цезарь даже ополчился против обжорства. Специальные агенты на базарах следили за тем, чтобы там не появлялись разные деликатесы, которые немедленно конфисковались и доставлялись Цезарю. И были случаи, говорит Светоний, когда ликторы и солдаты Цезаря врываются в дома богатей и забирали со стола «запрещенные» блюда и яства.

(Окончание следует).

М. РУБЕЖАНИН.

ТОЛСТОЙ — АНАРХИСТ.

Каждая эпоха человеческой истории имеет своего гения, свою нравственную и общественную совесть, которая показывает людям все зло, парящее на земле и указывает им на необходимость переоценки всех человеческих ценностей и доказывает неизбежность искания и творчества нового и лучшего человеческого будущего.

Таким добрым гением человечества в нашу эпоху был Лев Толстой. В мире нет ни одной страны, где бы имя Толстого не было известно, где бы ктонибудь не нес в своей душе какойнибудь идеи Толстого.

«Ни один человек, после Руссо, так глубоко не встряхнул человеческую совесть, как это сделал Толстой своими нравственными писаниями, — говорит Кропоткин. Без всякой боязни он раскрыл моральную сторону всех кипучих вопросов дня, сделал это в такой потрясающей форме, что всякий, кто читал его произведения, не сможет уже забыть или отложить в сторону эти проблемы; все чувствуют, что одним или другим образом, необходимо найти какоенибудь разрешение их.

«Поэтому влияние Толстого не может измеряться годами или десятилетиями: оно будет сильно многие десятилетия. Также невозможно ограничить его влияние одной стороной. Его произведения читаются в миллионах экземпляров; апеллируют к совести мужчин и женщин всех классов и всех наций и всюду с одними и теми же результатами.

«В последние годы своей жизни, Толстой был человеком наиболее любимым, наиболее трогательно любимым, во всем мире».

Но тогда, когда многие знают Толстого, как гениального писателя и мыслителя, как анархиста его знают мало. А многие из знающих его как такового, имеют об его идеях самое неправильное и, часто даже извращенное представление. И в то время когда для одних он религиозный христианин, для других он полный

стризатель и извратитель как религии, так и учения Христа вообще.

Но Толстой не был ни религиозным, ни вообще верующим. И если он принял христианство за основу своей жизни, то не потому, что считал его божественным откровением, а потому, что это учение, очищенное от всех наслоений, которые ему прибавили церкви, содержит «то-же разрешение проблемы жизни, которое с большей или меньшей ясностью, проповедывалось лучшими людьми как до, так и после вознесения нам Евангелия: от Моисея, Конфуция, древних греков, Будды и Сократа, до Паскаля, Спинозы, Фихте, Фейербаха и всех других, известных и неизвестных, которые, не принимая никакой доктрины на веру, нас учили и нам говорили серьезно о значении жизни».

Бога Толстой понимал как пантеистическую силу и говорит о нем, как о жизни, любви, или идеале, который человек чувствует в себе («Мысли о Боге»). А в своем произведении «Христианское учение» он его представляет «как мировое стремление к счастью, которое есть источник жизни».

Центральный пункт христианского учения, Толстой видит в «непротивлении злу насилием». Другие четыре основных пункта христианского учения, по Толстому, заключаются в воздержании от злобы, быть верным в сношениях между мужчиной и женщиной, которые живут супружеской жизнью, не клясться и не давать обетов, ибо обетом и клятвой церковь и государство держат людей в повиновении своим приказам, и, наконец, любить ближнего, как самого себя.

Но идеи Толстого не только интересны по своему содержанию, но и по своему стремлению сделать их доступными и понятными для всех людей без различия пола, расы, социального положения, возраста и состояния.

Как Жан Жак Руссо, он зовет людей обратно к природе, ибо чем проще и скромнее живет человек, тем более тесно жи-

вет он с себе подобными, тем чище его чувства и тем больше его стремление к благу всех.

Но Толстой не реформатор. Он не принадлежит к тем, которые хотят лечить зло маленькими улучшениями. Его учение направлено против основ современного общества. Он борется против самой сути нашей, так называемой, цивилизации. Он стремится реорганизовать общество и всю человеческую жизнь на новых началах и отбрасывает всякие компромиссы и полумеры. В этом смысле яснополянский философ был настоящим революционером. Эльцбахер, один из лучших писателей об анархизме определяет Толстого как пассивного революционера, т. е. «стремящегося к нарушению права без употребления насилия».

**

Толстой не только не был религиозен, но он отрицал все церковные религии, все ритуалы и символ веры. Но из всех религий и философских учений он взял то основное, что—общее всем им, и, по его пониманию, отвечает современному состоянию прогресса и отражает стремление всех лучших людей мысли, ума и чувств ко все времена и все эпохи. «Не делай другим того, чего не хочешь, чтобы другие делали тебе», было основой всего его учения и всей его проповеди.

«Если бы вся эта история и ветхого и нового завета, — утверждал Толстой, — проповедывалась как сказка, то и тогда едва ли какой либо воспитатель решился бы рассказать ее детям или взрослым людям, которых он желал бы просветить» «Говорят о вредных книгах! Но есть ли в христианском мире книга, наделавшая больше вреда людям, чем эта ужасная книга, называемая историей ветхого и нового завета?»

«Я убедился, — продолжает Толстой в своем «Ответе Синоду» — что учение церкви есть теоретически доварная и вредная ложь, практически же собирание самых грубых суеверий и колдовства, скрывающее совершенно весь смысл христианского учения.

«И я действительно отрекся от церкви, перестал исполнять ее обряды и написал в завещании своим близким, чтобы они, когда я буду умирать, не допускали ко мне церковных служителей и мертвое мое тело убрали бы поскорей без всяких над ним заклинаний и молитв, как убирают всякую противную и ненужную вещь, чтобы она не мешала живым».

«Я отвергаю непонятную троицу, не имеющую никакого смысла в наше время басню о падении первого человека, кощунственную историю о Боге, родившемся от Девы и искупляющем род человеческий... Все таинства считаю низменным, грубым, несоответствующим понятию о Боге и христианскому учению колдовством... В перидическом прощении грехов на исповеди вижу вредный обман... В елеосвящении так же, как и в миропомазании, вижу примесь грубого колдовства, как и в почитании икон и мощей, и как и во всех тех обрядах, молитвах, заклинаниях, которыми заполнен требник. В священстве, кроме явного приготовления к обману, вижу прямое нарушение слов Христа». Ибо «е в этих волхованиях, не в молебствиях, обеднях, свечах, иконах, — учение Христа, а в том, чтобы люди любили друг друга, платили добром за зло, не судили, не убивали друг друга».

«Верю я в следующее: верю в Бога, которого понимаю как Дух, как Любовь, как начало всего. Верю в то, что он во мне и я в нем. Верю в то, что воля Бога яснее, понятнее, всего выражена в учении человека Христа, которого понимать Богом и которому молиться,—считаю величайшим кощунством.... Верю в то, что смысл жизни каждого человека поэтому только в увеличении в себе любви, что это увеличение любви ведет отдельного человека в жизни этой ко все большему и большему благу... и вместе с тем, более содействует установлению в мире царства Божия, то есть такого строя, при котором царствующие теперь раздор, обман и насилие будут заменены свободным согласием, правдой и братской любовью людей между собою».

«Я не верю — говорит Толстой, — чтобы моя вера была одна несомненно на все времена истинна, но я не вижу другой более простой, ясной и отвечающей всем требованиям моего ума и сердца. Если я узнаю такую, я сейчас же приму ее...»

«Я начал с того, что полюбил свою православную веру более своего спокойствия, потом полюбил христианство более своей церкви, теперь же люблю истину более всего на свете».

**

Таким в синтезе понятия Толстого анархиста о церкви, религии и христианстве, исходя из которых он пришел к своему анархическому пониманию человеческой и общественной жизни.

«Жизнь человеческая, — говорит Толстой, — есть ряд поступков от вставания до постели; каждый день человек должен не переставая выбирать из сотни возможных для него поступков те, которые он делает.... Без руководства в выборе своих поступков человек не может жить». А единственным руководителем для человека может служить его разум. «Если нет высшего разума — а его нет и ничто доказать его не может — то разум мой есть творец жизни для меня».

«Прежде говорили: не рассуждай, а верь тому, что мы предписываем. Разум обманет тебя. Вера только откроет тебе истинное благо жизни. И человек старался верить и верил. Но сношения с людьми показали ему, что другие люди верят в совершенно другое и утверждают, что это другое дает большее благо человеку. Стало неизбежно решить вопрос о том, какая из многих вер — вернее; а решать может только разум». И это учение Христа — человека, сына «неизвестного отца», Толстой принимает за истину не на основании веры в откровение, а просто вследствие разумности этого учения. По Толстому, вера в откровение была «главной причиной непонимания учения, а потом и полного извращения учения».

«Бога внешнего Творца, начала всех начал, мы не знаем. «Бог есть дух в человеке», «его совесть», «разумение жи-

зни». «Каждый человек сознает в себе дух свободный, разумный и независимый от плоти. Этот то дух есть... то, что мы называем Богом».

«1800 лет тому назад среди языческого Римского мира явилось странное, не похожее ни на какое из прежних, новое учение, приписывавшееся человеку Христу». «Это учение содержит самое строгое, чистое и полное» выражение закона разума, выше которого не подымался до сих пор разум человеческий». Стремлением этого учения было установление Царства Божия на земле.

А «Царство Божие на земле есть мир всех людей между собою... Так представлялось Царство Бога всем пророкам еврейским. И так оно представлялось и представляется всякому сердцу человеческого».

**

Высший закон для Толстого это — Любовь. А «истинная любовь, это состояние благоволения ко всем людям, которое присуще детям, но которое во взрослом человеке возникает только при отречении».

«Кто из живых людей не знает того блаженного чувства, хоть раз испытанного и чаще всего только в самом раннем детстве, когда душа не была еще засорена всей той ложью, которая заглушает в нас жизнь, того блаженного чувства умиления, при котором хочется любить всех: и близких, и отца, и мать, и братьев, и злых людей, и врагов, и собаку, и лошадь, и траву; когда хочется одно, — что бы всем было хорошо, чтобы все были счастливы и еще больше хочется того, чтобы самому сделать так, чтобы всем было хорошо, — самому отдать себя, всю свою жизнь на то, чтобы всем и всегда было хорошо и радостно. Это то и есть та любовь, из которой жизнь человека».

**

Не менее определенно и сильно выступал Толстой и против государства и частной собственности.

«Государство, — говорит Толстой, — есть господство злых». «Самая жестокая

ужасная шайка разбойников не так страшна, как государственная организация». Ибо «нет тех ужасающих преступлений, которые не совершили бы люди, составляющие часть правительства и войска по воле того, кто случайно (Бузанже, Пугачев, Наполеон) может стать во главе их».

Ибо всякое правительство опирается на войско, т.е. на вооруженных людей, готовых путем насилия приводить в исполнение волю правительства, — на сословие людей, «воспитывающихся для того, чтобы убивать всех тех, кого велит убивать начальство». Люди такого рода это — полиция и в особенности, войско. А «войско есть не что иное, как собрание дисциплинированных убийц». Формирование войска есть «обучение убийству». Его победы — убийства. «Войско всегда стояло и теперь стоит в основе власти. Всегда власть находится в руках тех, кто поведает войском, и всегда все властители — от римских кесарей до русских и немецких императоров — озабочены более всего войском». В войске же «великий человек должен взять орудие убийства: ружье, нож, и если не убить, то зарядить ружье и отточить нож, т.е. быть готовым на убийство».

Такая «деятельность правительств не только не удерживает людей от преступлений, а, напротив, всегда расшатывая и понижая нравственный уровень общества, увеличивает их количество».

Причем «бедствия... от которых страдают народы остались совершенно те же, как при конституционных, монархических, так и при республиканских правительствах и референдумами и без них». Так как «бедствия... происходят не столько от свойства лиц, пользующихся властью, сколько от того, что существует власть».

Ибо «власть одного человека над другим, основанная на насилии, в источнике своем есть зло, и потому никакое устройство, удерживающее право насилия человека над человеком не может сделать того, чтобы зло перестало быть злом». «Власть как была, так и осталась властью немощных худших над большинством

лучших людей». И «единственное средство избавления от насилия только в участи в нем».

Причем «уничтожение организации правительств, учрежденных для произведения насилия над людьми, никак не влечет за собою уничтожения того, что есть разумного и хорошего.. Напротив, отсутствие грубой власти правительств, имеющих целью поддержать только себя, будет содействовать разумной и справедливой общественной организации, не нуждающейся в насилии».

Ибо «если было время, когда люди были так разобщены между собой, так мало были выработаны средства сближения и передачи мыслей, что они не могли согласиться ни в каком обиде, ни торговом, ни экономическом, ни образовательном деле без государственного центра, то теперь уже нет этой разобщенности. Широко развившиеся средства сближения и передачи сделали то, что для образования обществ, собраний, корпораций, конгрессов, ученых, экономических, политических учреждений, люди нашего времени не только вполне могут обходиться без правительств, но что правительство в большей части случаев скорее мешает, чем содействует достижению этих целей».

«Невозможность продолжения жизни на прежних основах, и необходимость установления каких то новых реформ жизни, чувствуется необходимостью «уничтожения сочувствуется необходимостью «уничтожения собственности» и замены ее новой формой распределения».

Но вопрос не в том, чтобы уничтожить капиталистов. А в создании таких форм жизни, при которых все люди жили бы счастливо. Ибо «никакие капиталисты в мире не могли бы поработить рабочих, если бы сами рабочие не помогали им, не содействовали своему порабощению».

«В последнее время... утверждается, что отношения людей в обществе сложились и складываются на основании экономических условий. Но такое утверждение есть только подстановка, вместо оче-

редной и ясной причины явления, одного из его последствий. Причина тех или иных экономических условий всегда была и не может быть ни в чем ином, как только в насилии одних людей над другими. Экономические условия суть последствия насилия и потому никак не могут быть причиной отношений между людьми.

Уничтожить собственность необходимо не потому, что она причина отношения между людьми, а потому, что уже все знают, «что люди все имеют одинаковые права на жизнь и блага мира». И существование десятков тысяч голодных, забнувших и глубоко униженных людей в Москве, тогда, когда я с другими тысячами обедаюшь филиями и осетриной и покрываю лошадей и полы сукнами и коврами, «есть преступление». Я «не перестану чувствовать себя участником постоянно совершающегося преступления до тех пор, пока у меня будет излишняя пища, а у другого совсем не будет, у меня будут две одежды, а у когонибудь ни одной».

Ибо собственность, это господство имущих над неимущими. И бедный не имеющий ее, находится в зависимости от богатого, обладающего собственностью и чтобы добыть необходимое ему для жизни, должен делать работу на этого.

Существование собственности обеспечивается полицией и войском. «Нельзя не притворяться, что мы не видим того городского, который с зараженным револьвером ходит перед окнами, защищая нас в то время, когда мы едим свой вкусный обед или смотрим новую пьесу, и про тех солдат, которые сейчас же в'едут с ружьями и боевыми патронами туда, где будет нарушена наша собственность. Ведь мы знаем, что если мы доедим свой обед и досмотрим новую пьесу и довеселимся на бале, на елке, на катанье, скачке или охоте, то только благодаря пуле в револьвере городского и в ружье солдата, которая пробьет брюхо того обделенного, который из за угла, облизываясь, глядит на наши удовольствия и тотчас же нарушит их, как только уйдет городской с револьвером или не будет солдата в казармах,

готового явиться по нашему первому зову».

И что еще ужаснее, это то, что это господство имущих над неимущими покоится на физическом насилии, совершаемом самими же страдающими от этого господства.

Неимущие, которые благодаря существованию собственности, находятся в зависимости от имущих, исполняют обязанности полицейских, служат в войске, платят подати на содержание полиции и войска и таким образом или сами участвуют в совершении того насилия, на котором держится собственность или, по крайней мере, поддерживают это насилие.

«Ведь, если бы не было этих людей, готовых по воле тех, кому они подчиняются, истязать, убивать того, кого велит, никто никогда не решился бы утверждать... что земля, окружающая имущих от безземелья крестьян есть собственность человека, не работающего на ней, не могло бы никогда прийти в голову помещику отнять у мужиков лес, ими выращенный, и никто не стал бы утверждать, «что мошеннически собранные хлебные запасы должны храниться в целости среди умирающего с голоду населения, потому что купцу нужны барышни».

При отсутствии организованного насилия и власти, собственность не сможет существовать и все люди вынуждены будут работать, чтобы жить. Каждый возьмется «за свойственное ему дело и, каждый, выработав, что ему нужно для жизни, работает свою работу. Если же людям удобнее работать вместе, они сходятся артелью. Но ни в отдельном хозяйстве, ни в артелях... ни вода, ни земля, ни одежда, ни кол, которым работают, ни заступ, ни плуг не могут никому принадлежать, кроме тех, которые пользуются лучами солнца, дышат воздухом, пьют воду, едят хлеб, закрывают свое тело и работают заступом или машиной.

«Люди склонны верить в осуществление самых невероятных событий в мире, верят в возможность летать, общаются с

планетами, верят в возможность устройства социалистического общества, в спиритические сообщения и многие другие невозможные вещи, но не хотят верить в то, что то мировоззрение, в котором они со всеми окружающими их людьми живут в данную минуту, могло бы измениться.

«А между тем, такие изменения, и самые удивительные, совершаются беспрестанно и с нами самими, и с нашими ближними, и с целыми обществами, и народами, и эти то изменения и составляют сущность жизни человечества.

«Не говоря о всех тех изменениях в общественном сознании народов, которые происходили в исторические времена, на наших глазах теперь в России совершается с необыкновенной быстротой такое кажущееся поразительным изменение сознания всего народа, которое не проявлялось ничем внешним 2—3 года тому назад.

Изменение это кажется нам совершилось вдруг только потому, что происходившая в духовной области подготовка этого изменения была незаметна нам. То же совершается теперь и в недоступной нашему наблюдению духовной области. Если русский народ, два года тому назад считавший невозможным не только неповиновение существующей власти, но даже осуждение ее, теперь не только осуждает власть, но и готовится не повиноваться ей и установить новую власть на место старой, то почему не предположить, что и теперь готовится в сознании русского народа еще иное и свойственное ему изменение своего отношения к власти, состоящее в нравственном, религиозном освобождении себя.

«Почему такого рода изменение не могло бы совершиться среди всякого — и теперь среди русского народа? Почему вместо того раздраженного, эгоистического настроения взаимной борьбы, страха, ненависти, которые теперь охватили все народы, вместо всей той проповеди лжи, безправственности, насилия, которая теперь газетами, книгами, речами делами так напряженно распространяется во всех народах, не могло бы так же охватить все

народы и в особенности теперь весь русский народ после пережитых им грехов, страданий и ужаса, религиозное, человеческое, разумное, любовное настроение, которое открыло бы людям весь ужас подчинения власти, в которой они жили, и всю радостную возможность жизни разумной, любовной, без насилия и власти?

«Почему, как теперь, десятилетиями влияний в одном и том же направлении, было подготовлено теперешнее проявление этого направления в революции, не могло быть так же подготовлено сознание возможности и необходимости освобождения себя от греха власти и установления среди людей единения, основанного на взаимном соглашении и уважении и на любви человека к человеку?

«Почему думать, что люди будут, не переставая, нарочно мучить себя, — одни стараясь властвовать над другими, другие со злобой и завистью, повинувшись властвующим и выискивая средства стать самим властвующими?

«Почему предполагать, что прогресс, которым люди будут гордиться, будет всегда в увеличении населения, в сохранении жизни, а не в нравственном совершенствовании жизни, — будет всегда в жалких механических изобретениях... а не будет во все большем и большем единении друг с другом...; почему не предположить, что люди будут радоваться и соревновать не богатством, не роскошью, а простотой, умеренностью и добротой друг к другу... Почему не думать, что люди будут видеть прогресс в том, чтобы все больше и больше захватывать, а не в том, чтобы все меньше и меньше брать от других, а все больше и больше давать другим; не в том, чтобы увеличивать свою власть, не в том, чтобы все успешнее и успешнее воевать, а в том, чтобы все больше и больше смиряться и все теснее и теснее общаться — люди с людьми и народы с народами.

«Почему вместо того, чтобы представлять себе людей неудержимо отдающимися похоти и размножающимися как кролики,... почему не представить себе людей целомудренных, борющихся со своими по-

хотями, живущих в любовном общении с соседями, среди плодородных полей, садов, лесов, с прирученными, сытыми друзьями — животными, только с той, против теперешнего их состояния, разницей, что они не признают землю ничьей отдельной собственностью, ни сами себя принадлежащими какому либо государству, не платят никому ни податей, ни налогов и не готовятся к войне и не с кем не воюют, а, напротив, все больше и больше мирно общаются народы с народами...»

**

«Люди чувствуют, что бедственность их положения происходит от насилия, смутно сознают, что для того, чтобы им освободиться от своих бед, им нужна свобода, но удивительное дело — для того, чтобы избавиться от насилия и приобрести свободу, ищут, и употребляют, и придумывают самые разнообразные средства: бунты, перемену властителей, переустройство правлений, всякого рода конституций, установления новых отношений между государствами, колониальную политику, организацию пролетариата, тресты, социалистическое устройство, — все, но только не одного, что проще и легче всего и наверное избавит их от всех бедствий: прекращения повиновения власти».

Ибо «для того, чтобы жизнь была хороша, есть только одно средство: самим людям быть лучше. А будут люди лучше, и сама собою устроится та жизнь, какая должна быть среди хороших людей».

«Люди — большинство народа, весь рабочий народ — воздерживаются от преступлений и живут хорошей и доброй жизнью не оттого, что есть полиция, войско, казни, а оттого, что существует общее большинству людей нравственное сознание, устанавливаемое общим религиозным пониманием людей и основанное на этом понимании воспитанием, обычаями, общественным мнением».

Также «нет никакой причины думать, что возвращение людей к беззастойно и к земледельческой жизни уничтожит все успешные промышленности, действительно полезные людям и не требующие рабства лю-

дей... Напротив, уничтожение всего, поддерживаемого насилием, выдвинет и вызовет усиленное производство всех полезных и нужных технических усовершенствований, которые, не обращая людей в машины и не губя их жизни, могут облегчить труд и украсить жизнь». При чем «условия, в которые станут между собою люди...», формы, в которые сложится общество людей, зависят только от внутренних свойств людей, а никак не от предвидения людьми той или иной формы жизни, в которую им желательно сложиться».

«И для того, чтобы жизнь была лучшей, не нужно представлять себе людей какими то новыми существами — добродетельными ангелами. Люди будут точно такие же, как теперь, со всеми свойственными им слабостями и страстями; будут и грешить, будут, может быть, и ссориться, и предубодействовать, и отнимать имущество, и даже убивать, но все это будет исключением, а не правилом, как теперь. Жизнь их будет совсем другой, уже по одному тому, что они не будут признавать добром и необходимым условием жизни организованное насилие, не будут воспитаны злодеяниями правительств, выдаваемыми за добрые дела».

**

Будущее — по Толстому — «будет таким, каким его сделают обстоятельства и люди». И мы сейчас не в состоянии предвидеть все возможности будущего.

«Людям не дано знать, в какую форму сложится в будущем жизнь общества».

«Те условия, в которые станут между собой люди, те формы, в которые сложится общество людей, зависят только от внутренних свойств людей, а никак от предвидения людьми той или иной формы жизни, в которую им желательно сложиться. А между тем, люди... воображают, что они могут знать, какое должно быть будущее состояние общества, и не только определять будущее состояние, но и совершают всякого рода дела, ими же самими признаваемые дурными, для того, чтобы общество людей было именно таким, каким они считают, что оно должно быть».

«То, что другие люди несогласны с нами и полагают, что жизнь общества должна быть совсем иная, не смущает их, и люди, уверившись в том, что они могут знать каким должно быть будущее общество, не только отвлеченно решают, но действуют, сражаются, отнимают имущество, запирают в тюрьмы, убивают людей для того, чтобы установить такое устройство общества, при котором, по их мнению, люди будут счастливы.

«Как не убить не только одного человека, но сотни, тысячи людей, если мы твердо уверены, что смерть этих тысяч даст благо миллионам.

«Эти то люди, не зная ничего о том, в чем благо отдельного человека, воображают, что знают, несомненно знают, что нужно для блага всего общества, так несомненно знают, что для достижения этого блага, как они понимают его, совершают дела насилия, убийства, которые сами признают дурными».

И характерно то, что «люди не знающие, что делать с самими собой, всегда особенно твердо знают, что делать с обществом. И чем меньше знают о себе, тем тверже знают об обществе. Таковы, большей частью, или самые легкомысленные юноши, или самые развращенные общественные деятели... И от этого то и полна история народов самыми ужасными злодеяниями...

«И потому на вопрос о том, как сложится жизнь народов, которые перестанут повиноваться власти, мы отвечаем, что мы не только не можем знать этого, но и не должны думать, что кто нибудь может знать это. Мы не можем знать в какие условия станут народы, переставшие повиноваться власти, но несомненно знаем, что мы, каждый из нас, должны делать для того, чтобы эти условия жизни народов были наилучшие. Мы несомненно знаем, что для того, чтобы условия эти были наилучшие, мы прежде всего, должны воздерживаться от тех дел насилия, которые требуют от нас существующая власть и точно так же и от тех, к которым призывают нас люди, борющиеся с существующей властью

для установления новой, и потому должны не повиноваться никакой власти».

Но многие «люди говорят... Какие именно и в чем будут состоять те новые порядки, которые заменят теперешние? До тех пор, пока мы не будем знать как именно сложится наша жизнь, мы не пойдём вперед и не тронемся с места».

«Если бы Колумб так рассуждал, он никогда не снялся бы с якоря. Сумасшедшие ехали по океану, не зная дороги, по океану, по которому никто не ездил, плыть в страну, существование которой — вопрос. Этим сумасшествием он открыл новый мир. Конечно, если бы народы переезжали из одного готового меблированного отеля в другой еще лучший — было бы легче, да беда в том, что некому готовить новых квартир.

«Условия нового строя не могут быть известны нам, потому что они должны быть выработаны нами же. Только в том и жизнь, чтобы познавать неизвестное и сообразовать с этим новым познанием свою деятельность. В том жизнь каждого отдельного человека и в том жизнь человеческих обществ и человечества».

«Для того, чтобы изменился противный сознанию людей порядок жизни и изменился соответствующим ему, нужно, чтобы отжившее общественное мнение заменилось живым, новым».

Величайшие и значительнейшие перемены в жизни человечества вовсе не являются результатом каких либо предприятий, для этого не нужно «ни вооружение миллионов войск, ни постройка новых дорог и машин, ни устройство выставок, ни устройство союзов рабочих, ни революций, ни баррикад, ни взрывов, ни изобретений воздухоплавания и т. п., а нужно только изменение общественного мнения».

Причем «общественное мнение не нуждается для своего возникновения и распространения в сотнях и тысячах лет и имеет свойство заразительно действовать на людей и с большой быстротою охватывать большие количества людей.

«Как бывает достаточно одного толчка для того, чтобы вся насыщенная солью жидкость мгновенно перешла бы в кристаллы, так может быть теперь достаточно самого малого усилия для того, чтобы открытая уже людям истина, охватила сотни, тысячи, миллионы людей, — установилось бы соответствующее сознанию общественное мнение, и вследствие установления его изменился бы весь строй существующей жизни. И сделать это усилие зависит от нас».

Причем Толстой не отрицал революции вообще, а только революции насильственные. Всякая революция, — говорил он в «О значении русской революции» — есть всегда изменение отношения народа к власти». «И потому, для того, чтобы нам знать, как именно мы можем и должны изменить свое отношение к власти, необходимо понять сущность власти, в чем она состоит, как она возникла и какое наилучшее отношение к ней».

По мнению Толстого, уничтожить власть силой, это только поставить на место одной другую. Что же необходимо, это «поблиноваться никакой власти» и не употреблять насилия ни в какой форме.

Акты насилия ужасны не по своей жестокости. Дела, совершаемые по распоряжению королей и императоров... без сравнения более жестоки, чем убийства, совершаемые анархистами. Ужасны эти убийства и не по своей незаслуженности». И «королям и императорам не только нельзя возмущаться на такие убийства, но должно удивляться, как так редки такие убийства после того постоянного и всеобщего примера убийства, который они подают людям».

Но такие убийства хотя и понятны, но не могут все таки привести к знаменательным результатам. А «надо... не по-

звлять им убивать людей, отказываться убивать по их приказанию».

По мнению Толстого, сами люди должны вызвать общественную перемену, они не должны более «ожидать, что кто то придет и поможет им: Христос на облаках с трубным голосом, или исторический закон, или закон дифференциации и интеграции сил. Никто не поможет, коли сами себе не помогут».

«Мне рассказывали случай, — пишет он в «Царствии Божием», — происшедший с храбрым становым, который приехал в деревню, где бунтовали крестьяне и куда были вызваны войска, и взялся усмирить бунт в духе Николая I, один своим личным влиянием. Он велел привести несколько возов розог и, собрав всех мужиков в кучу, с ними вместе вошел туда, заперся и так напугал сначала мужиков своим криком, что они, повинувшись ему, стали по его приказанию сечь друг друга. И так они секли друг друга до тех пор, пока не нашелся один дурачек, который не дался сам и закричал товарищам, чтобы они не секли друг друга. Только тогда прекратилось сечение и становой убежал из риги. Вот этому то совету дурачка и должны бы последовать люди нашего времени».

Вот каковы были взгляды Толстого — анархиста на жизнь, религию, общество и людей, и вот каковы были его идеи, которые он нес как светлый факел к людям.

Идеи Толстого не сегодняшнего дня. Они идеи будущего. Но анархизм Толстого есть тот великий и светлый идеал, который как яркий маяк указывает плывцам на бурном море путь к лучшему и более счастливому человеческому будущему.

Анатолий Горелин.

Буэнос Айрес.

Программа общества Международной Революции.

(Неизданный отрывок из соч. Михаила Бакунина.)

Вступительная заметка. — Рукопись Бакунина, на 15½ страницах белой бумаги формата in-4°, была передана мне в феврале 1895 года П. Кропоткиным. В пачке бумаг, собранных им в Швейцарии, должны находиться, помимо нее, еще две рукописи одного французского автора относительно Коммуны и текст весьма распространенной в свое время среди юрцев песенки: «Добрый Буржуй», которую Кропоткин, бывало, постоянно напевал, как только увидит ее заглавие. На небольшой пачке этой была сделана надпись: «Рукопись Бакунина, 1865 г?». Вполне ли точно это указание:

Нынче — с первого взгляда легко предположить 1865? или, скорее, 1864—1866? годы; но к февралю 1896 года все материалы, на основании которых теперь можно было бы придти к этому заключению, еще не были опубликованы, за исключением тех, что вошли, на русском языке, в редкую, но хорошо известную Кропоткину, книгу: «Историческое развитие Интернационала» (1873) (о тайном обществе, основанном Бакуниным в 1864 году). Лицо, выставившее на рукописи обозначение: «1865?», основывалось, стало-быть, либо на напечатанном в этой книге тексте, либо на некоторых личных данных, сохранившихся у кого-нибудь в памяти и известных во время пребывания Кропоткина в Швейцарии, лишь немногим: в том числе, однако, Реклю и Жуковскому.

Тем не менее, у меня возникают некоторые сомнения. Я признаю, что как расположение, так и содержание текста во многом соответствуют «Революционному Катехизису» первых месяцев 1866-го года, с экземпляра которого, переданного Герцену вместе с письмом Бакунина от 19-го июля 1866, я списываю приводимые здесь в конце резюме и заключение. Но предлагаемый отрывок на мой взгляд представляется более обдуманым, более ясным и легким по слогу, одним словом — более

совершенным, нежели текст 1866-го года, предшествовать которому он, по моему, никак не мог. Я лично отнес бы его к значительно более позднему сроку, а именно, к марту 1871-го года.

Вопрос о сроке написания этого документа представляет собою то значение, что было бы чрезвычайно интересно ознакомиться с самыми первыми социалистическими произведениями Бакунина, написанными им после многочисленных писаний 1862—63 г.г. по славянскому вопросу. Если бы предлагаемая рукопись была написана, действительно, в 1865? году, она относилась бы именно к этим первым социалистическим произведениям, отыскать которые либо весьма трудно, либо даже невозможно, так как они утеряны. В противном случае, это предположение отпадает.

Моя гипотеза такова:

— Из ежедневных его записей видим, что Бакунин, находясь в промежутки времени между 20 марта и 2 апреля 1871 г. частью во Флоренции, а частью у друга своего Маццони, в Прато (близ Флоренции), отмечает: 25 марта — «писал программу», 26-го — «программа», 28-го утром и вечером — «программа» и 30-го «программа». Нам неизвестно никакое подобное его произведение; и ничто в его тогдашних занятиях или отношениях с людьми не указывает на надобность составления какой-либо организационной, журнальной и т. п. программы. Он ездил тогда во Флоренцию по своим частным делам, о которых он должен был беседовать еще с двумя лицами. Там он встретился со своими итальянскими друзьями, принимавшими в 1864 и в последующие годы участие в Международном Братстве или по меньшей мере в его итальянском ответвлении; то были: Фанелли, Фриша, Берти Калура (из Флоренции), Маццони (у которого он жил в Прато) и Гамбуцци. Они постоянно виделись, и раз какая-то программа в это время была написана в Пра-

то и во Флоренции, то, по моим соображениям, это и была предлагаемая ниже «Программа», которая должна была замесить программу 1866 года, не соответствовавшую более, как видно из приводимого ниже резюме, понятиям 1871 года, т. е. нуждавшаяся в обновлении и переработке. Вероятно, Бакунин нашел у кого-либо из флорентийских друзей прежний текст и, взяв его за основание, переработал его на novo. Возможно, что друзья попросили его об этом или поддерживали его в его собственном начинании, и что он рассчитывал в первую очередь в Италии именно на них, ибо движение молодежи, толчок которому дала Парижская Коммуна, и поход Мадзини против социализма тогда еще не начинались.

Я даже полагаю, — впрочем, чисто гадательно, — что он, уезжая вскоре после того (25-го апреля) из Локарно в Юру, где он остановился сначала в Сонвилле у Швицгеля, взял с собою рукопись, рассчитывая продолжать работать над ней, а потом, перестав ею заниматься, отдал ее Швицгелю, которому он оставил рукопись написанных тогда-же «Собеседований». Швицгель сам не собирал лекций, но он ценил и хранил интересные рукописи с тем, чтобы передавать их потом друзьям, интересующимся ими. Так, например, он передал Д. Гильому рукопись «Собеседований», переписав ее предварительно для себя, а впоследствии он отослал то, что у него оставалось еще из Бакунинских рукописей и материалов, Кафисро, когда тот стал подбирать данные для биографии Бакунина. Таким образом, он легко мог подарить настоящий отрывок Кропоткину, с которым был связан тесной дружбой.

Если бы мое предположение подтвердилось, то предлагаемая рукопись, составленная непосредственно вслед за многочисленными писаниями 1870—1871 гг. и, в частности, за отделом, называемым «Бог и Бесударство», выявила бы влияние этой напряженной умственной работы на более раннюю и несколько более примитивную форму, в которую прежде выливались идеи Ба-

кунина, и была бы примечательна с этой точки зрения, хотя и отпала бы ценность ее, как одного из первых произведений данного периода.

М. НЕТТЛАУ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

1.—Отрицание Бога и принципа власти, божеской и человеческой, а также всякой опеки одних людей над другими, — даже в том случае, если бы опеку эту пытались учредить изд. лицами совершеннолетними, но лишенными образования, или над невежественными массами, — будь то во имя высших соображений, или даже научных доводов, представляемых либо группой лиц признающего и патентованного ума, либо каким-нибудь одним классом, что повело бы, в том и другом случае, к образованию своего рода умственной аристократии — наиболее гнусной и вредной для дела свободы.

Прим. 1. Позитивное и рациональное знание является единственным светочем, способным вести человека к познанию истины и регулировать его образ действий и его отношения к окружающему обществу. Но и такое знание подвержено заблуждениям, и даже если бы этого не было, оно все-же не должно присвоивать себе право управлять людьми вопреки их убеждениям и их воле. Подлинно свободное общество может признать за знанием только двойного рода право, пользование которым является вместе с тем и обязанностью: во-первых, воспитание и образование лиц обоего пола, одинаково доступное и обязательное для всех детей и подростков до их совершеннолетия, когда должно прекратиться действие всякой опеки, и вторых — распространение основанных на точном знании понятий и построений, стремление внедрить их во всеобщее убеждение, при помощи, конечно, совершенно свободной пропаганды.

Прим. 2. Решительно отбрасывал опеку (в какой бы форме она ни проявлялась), которую развитый знанием и опытом — деловым, житейским и человечес-

гим — ум мог бы попытаться учредить над невежественными массами, — мы далеки от того, чтобы отрицать естественное и благотворительное влияние знания и опыта на эти массы, лишь бы это влияние проявлялось совершенно просто, путем естественного воздействия высшего интеллекта на низшие, лишь бы оно не было облечено ни в какие официальные формы и не наделялось бы никакими привилегиями — политическими или социальными, — ибо эти две вещи неминуемо вызывают, с одной стороны, порабощение масс, а с другой — испорченность, разложение и отупление самих облеченных и наделяемых.

II.—Отрицание свободной воли и права общества наказывать, — так как всякий человеческий индивид, без исключения, является ничем иным, как невольным продуктом естественной и социальной среды. — Существуют четыре основных причины человеческой безразветленности: 1) отсутствие разумной гигиены и воспитания; 2) неравенство экономических и социальных условий; 3) невежественность масс, естественно вытекающая из такого положения; и 4) неизбежное последствие указанных явлений — рабство.

Воспитание, образование и организация общества на основе свободы и справедливости должны заменить наказание. В течение всего переходного, более или менее длительного, периода, который неминуемо последует за социальной революцией, общество, — в интересах самозащиты от неисправимых индивидов — не преступных, но опасных — никогда не станет применять к ним какого-либо иного наказания, кроме отсечения их за пределы его гарантий и его солидарности, — т. е., кроме исключения их.

III.—Отрицание свободной воли отнюдь не есть отрицание свободы. Наоборот, свобода представляет собою прямое следствие, результат естественной и общественной необходимости.

Прим. 1. По отношению к законам природы, составляющим первооснову и неминуемое условие его существования, человек не свободен. Они пронизывают его и

господствуют над ним, как пронизывают и господствуют над всем существующим. Ничто не в состоянии избавить его от их рокового вселия; всякая попытка к возмущению с его стороны привела бы его прямо к самоуничтожению. Но благодаря могучей способности, присущей его особенной природе и неумолимо побуждающей его осознать окружающие его условия и овладеть ими, человек может постепенно освободиться от неотступного гнета, от естественной и подавляющей его враждебности внешнего мира, как физического, так и социального, — при помощи мысли, знания и приложении мысли к инстинкту и воления, т. е. при помощи своей разумной воли.

Прим. 2. Человек представляет собою последнее звено, высшую ступень в непрерывной скале существ, которые, начиная с простейших элементов и кончая им, составляют известный нам мир. Он — животное, которое, благодаря более высокому развитию своего организма, особенно мозга, обладает способностью мыслить и говорить. В этом все различие, отделяющее его от всех других видов животных — старших его братьев во времени, младших в отношении умственных способностей,

Различие это, однако, огромно. Оно — единственная причина всего того, что мы называем нашей историей и чего сущность и смысл могут быть вкратце выражены в следующих словах: человек исходит от животности, чтобы прийти к человечности, т. е. к устройству своего общественного существования при помощи науки, созидания, разумного труда и свободы.

Прим. 3. Человек есть животное общественное — подобно многим другим животным, появившимся на земле до него. Он не создает общества путем свободного договора: он рождается в лоне общества, и вне последнего не мог бы ни жить, как человек, ни даже стать человеком, ни мыслить, ни говорить, ни хотеть, ни действовать разумно. Ввиду того, что общество формирует и определяет его человеческую сущность, человек находится в такой же абсолютной зависимости от него, как от самой физической природы, и нет такого

великого гения, на которого оно не простирает бы своего господства.

IV.—Общественная солидарность — первый человеческий закон; свобода — второй. Оба этих закона взаимно проникают один в другой и, будучи неотделимыми один от другого, составляют всю суть человечности. Таким образом, свобода не есть отрицание солидарности; наоборот, она представляет собою развитие, и так сказать, очеловечение последней.

V.—Свобода вовсе не есть независимость человека по отношению к непреложным законам природы и общества. Она, прежде всего, — его способность к постепенному освобождению от гнета внешнего физического мира при помощи знания и разумного труда; она, далее, — его право располагать самим собою и действовать сообразно его собственным взглядам и убеждениям: право, противоположаемое деспотическим и властническим притязаниям со стороны другого человека, или группы или класса людей, или общества в его целом.

Прим. 1. Не следует смешивать социологических законов, иначе называемых законами общественной физиологии и представляющих столь же непреложно обязательными для всякого человека, как и законы физической природы, — ибо они, в сущности, являются тоже физическими, — не следует смешивать их с законами политическими, уголовными и гражданскими, которые в большей или меньшей степени выражают нравы, обычаи, интересы и взгляды, в определенную эпоху господствующие в обществе или в части этого общества, в отдельном классе его. Вислене естественно, что, будучи признаны большинством людей или хотя бы одним господствующим классом, они оказывают на каждого могущественное влияние — благотворное или вредное, в зависимости от их характера. Но для самого общества насколько не хорошо, не правильно, не справедливо и не полезно, чтобы законы эти могли быть властнически или насильственно навязаны кому бы то ни было, вопреки его собственному убеждению. Ибо, последнее означало бы покушение на свободу,

на личное достоинство, на самую человеческую сущность членов общества.

VI.—Естественное общество, внутри которого рождается всякий человек и вне которого он никогда не смог бы стать разумным и свободным существом, очеловечивается само лишь по мере того, как все люди, его составляющие, становятся, индивидуально и коллективно, все более свободными.

Прим. 1. Быть лично свободным значит для человека, живущего в общественной среде, не поступаться ни мыслью, ни волей перед какой бы то ни было властью, кроме его собственного разума и собственного понимания справедливости: не признавать, одним словом, никакой иной истины, кроме той, которую он разумеет, и не подчиняться никакому иному закону, кроме того, который приемлется собственной совестью. Таково *conditio sine qua non* (непременное условие) соблюдения человеческого достоинства, неоспоримое право человека, признак его человечности.

Быть свободным коллективно, значит жить среди свободных людей и быть свободным их свободой. Как мы уже указали, человек не мог бы стать разумным существом, обладающим обдуманной волей, а следовательно, не мог бы завоевать себе индивидуальную свободу вне общества и без его содействия. Таким образом, свобода каждого является результатом всеобщей солидарности. Но если признать эту солидарность в качестве основы и условия всякой индивидуальной свободы, то станет само собою ясно, что человек, (живущий) среди рабов, даже на положении господина их, неминуемо будет рабом их рабства, и что сделаться действительно и вполне свободным он сможет лишь путем их освобождения.

Итак, свобода всех необходима для нашей свободы; отсюда следует, что неверно утверждение, будто свобода всех является пределом и ограничением моей свободы, — утверждение, которое равнялось бы полному отрицанию последней. Наоборот, всеобщая свобода представляет собою необходимое утверждение и бесконечное расши-

рение свободы индивидуальной.

VII.—Индивидуальная свобода каждого человека становится действительной и возможной лишь благодаря коллективной свободе общества, частью которого человек является в силу естественного и непреложного закона.

Прим. 1. Подобно человечности, чистейшим выражением которой она служит, свобода представляет собою не начало, а наоборот, завершительный момент истории. Человеческое общество, как мы уже указали, начинается с животности. Первобытные люди и дикари так мало признают свое человеческое звание и свои человеческие права, что начинают с похищения друг друга, а убивать друг друга они, к несчастью, не перестали до сих пор. — Вторым этапом на пути исторического развития человеческого общества является рабство. Третьим, — в середине которого мы в настоящее время живем, — период экономической эксплуатации, наемного труда. Четвертым периодом, к которому мы стремимся и, надо надеяться, приближаемся, — будет эпоха справедливости, эпоха свободы и равенства, эпоха взаимной солидарности.

VIII.—Первобытный, естественный человек становится человеком свободным, он очеловечивается и морализуется, он, одним словом, осознает и осуществляет в себе самом и для себя самого свой собственный человеческий облик и свои права лишь по мере того, как он осознает этот облик и эти права у всех себе подобных. — Следовательно, в интересах своей собственной человечности, своей собственной нравственности и личной свободы человек должен желать свободы, нравственности и человечности всех людей.

IX.—Итак, уважение к чуждой свободе представляет собою высший долг человека. — Любить эту свободу и служить ей — вот единственная добродетель. Вот основа всякой морали; другой не существует.

X.—Так как свобода есть результат и самое яркое выражение солидарности, т. е. взаимности интересов, то она осуществи-

ма вполне лишь при условии равенства. Равенство политическое может быть основано только на экономическом и социальном равенстве. Осуществление свободы благодаря этому равенству — вот справедливость.

XI.—Так как труд является единственным источником всех ценностей, полезностей и богатств общества, то человек, который представляет собою существо общественное по преимуществу, не может жить не трудясь.

XII.—Один только организованный на началах взаимности и сотрудничества (ассоциированный) труд может оказаться достаточным для поддержания существования многочисленного и сколько-нибудь цивилизованного общества. Все, что принято называть цивилизацией, не могло быть создано иначе, нежели путем такого организованного ассоциированного труда. Весь секрет бесконечной производительности человеческого труда состоит, прежде всего, в применении к делу более или менее научно развитого разума (в свою очередь являющегося продуктом организованного разума и ныне труда), а затем и в разделении этого труда, но при необходимом условии одновременного комбинирования или ассоциирования этого разделенного труда.

XIII.—Основанием и главным содержанием всех исторических несправедливостей, всех политических и социальных привилегий служит одно: порабощение и эксплуатация какого-либо организованного труда в пользу более сильных: народов-завоевателей, классов или индивидов. Такова подлинная историческая причина рабства, крепостничества, наемного труда, т. е., резюмируя все это одним обозначением, — причина так называемого права частной и наследственной собственности.

XIV.—С того момента, когда право собственности оказалось принятым и утвержденным, общество должно было разделиться на две части: с одной стороны — собственническое и привилегированное меньшинство, эксплуатирующее организованный и подневольный труд масс, а с другой — миллионы пролетариев, порабощенных под

именем рабов, крепостных или наемных раб-Сочих. Для одних, — благодаря досугу, имеющему основанием удовлетворение потребностей и материальный комфорт, — оказались обеспеченными все блага цивилизации, воспитания и образования. Другие, т. е. многомиллионные массы, — оказались осужденными на бессрочные припудительные работы, на невежество и на безысходную нужду.

XV.—Таким образом, цивилизованность меньшинства оказывается основанной на вынужденном варварстве огромного большинства. Следовательно, в силу самого своего положения, лица, пользующиеся всякого вида политическими и социальными привилегиями, все представители собственности, оказываются естественными врагами, эксплуататорами и угнетателями широких народных масс.

XVI.—В силу того, что досуг, — это драгоценное преимущество господствующих классов, — необходим для развития ума, а для развития характера и личности столь же необходимы известный недостаток и некоторая свобода в движениях и в деятельности, — вполне естественно, что господствующие классы вначале оказались более цивилизованными, более интеллигентными, более человечными и до известной степени даже более нравственными, нежели широкие массы. — Но в виду того, что с другой стороны бездеятельность и пользование всякого рода привилегиями ослабляют телесно, сушат сердце и дают ложное направление уму, заставляя его любить и преследовать ложь и несправедливость, вполне совместимые с частными интересами лиц привилегированных, но тем самым противоречащие интересам общества, — совершенно очевидно, что рано или поздно привилегированные классы должны были упасть в испорченность, в отупение и в рабское угодничество. — Это мы и видим, действительно, в настоящее время.

XVII.—С другой стороны, полное отсут-

ствие досуга и подневольный труд естественно обрекли широкие массы на варварство. Труд сам по себе и не может развивать их умственно, так как, в силу их вынужденного наследственного невежества, вся разумная часть работы — применение завоеваний науки, комбинирование и управление производительными силами — предоставляется и осуществляется еще почти исключительно и сейчас представителям буржуазного класса; одна лишь мускульная, неразумная, механическая часть работы, ставшая еще более притупляющей благодаря разделению труда, была предоставлена народу, который, таким образом, в полном смысле слова оглушается повседневным каторжным трудом.

Но вот, несмотря на все это, благодаря громадной морализующей силе, при-сущей труду, благодаря тому, что, требуя справедливости, свободы и равенства для себя самого, работник тем самым требует их и для всех, ибо нет на свете человеческого существа, — за исключением, пожалуй, женщин и детей, — с которым обращались бы недостойнее, чем с ним; благодаря, наконец, тому, что он мало пользовался жизнью и не злоупотреблял ею, и что, следовательно, он не пресыщен ею; и еще благодаря тому, что при отсутствии образования он обладает зато тем огромным преимуществом, что его девственный ум и сердце не были развращены и искажены эгоистическими интересами и корыстной ложью, — что он сохранил в неприкосновенности всю природную энергию своего характера, между тем, как все привилегированные классы опускаются, слабеют и гниют, — благодаря всему этому один только работник верит в жизнь, один он ныне представляет себе и собой, любит и желает истину, свободу, равенство и справедливость, одному ему принадлежит будущее.

(Окончание следует).

УГРОЗА МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

С тех пор, когда нынешний диктатор Германии национал-фашист Адольф Гитлер получил на выборах 5 марта 1933 года большинство и стал у власти, приведшей его к диктатуре, — он в осуществление плана «великой Германии» начал в первую очередь проводить политику овладения Австрией, являющейся стратегическим плацдармом, за обладание которым идет непрекращающаяся политическая и дипломатическая борьба между Германией, Италией и Францией в лице Малой Антанты — Чехословакии, Румынии и Югославии.

Гитлер, за спиной которого действуют крупные германские промышленники и финансисты, способствовавшие продвижению его в диктаторы и субсидировавшие все его кампании, хочет присоединить Австрию к Германии или, по крайней мере, взять ее под свою опеку. Но этому слишком противятся соседние страны, подписавшие 4 октября 1922 года «Женевский протокол», по которому Англия, Франция, Чехословакия и Италия обязались «охранять политическую независимость, территориальную неприкосновенность и суверенитет Австрии». Поэтому дипломатическая и политическая борьба за Австрию обостряется: австрийские и германские наци бросали бомбы, взрывали мосты и всячески готовили политический переворот в Австрии с целью захвата власти и объединения ее с Германией.

После известного выступления в Вене в мае 1933 года гитлеровского лейтенанта Ганса Франка разрыв между Австрией и Германией усилился. В виде репрессий по отношению к Австрии Гитлер ввел налог в 10,000 марок на каждого немца, уезжающего в Австрию, а Дольфус приступил к аресту гитлеровцев. Был арестован и выслан из Австрии член германского рейхстага — расист Т. Хабиht, а Гитлер в свою очередь выслал из Германии австрийского атташе Э. Вассербока. За сим последовало новое бросание бомб гитлеровцами и объявление партии наци

распущенной. Однако борьба этим не кончилась и 6 августа Англия и Франция сделали Германии решительное предупреждение.

19 августа Дольфус посетил Муссолини и после этого свидания в Австрии пошло утверждение фашизма итальянского толка. Вот почему в феврале 1934 года Дольфус устроил социалистам в Австрии кровавую баню и стал диктатором. Затем ориентация правящей Австрии на союзников, в особенности на ближайшего друга Муссолини привела к итало-австрийскому альянсу. В Риме на конференции трех премьеров — Муссолини, Дольфуса и Гембеша — было подписано 17 марта 1934 года экономическое соглашение о так называемом «континентальном пакте», установившем общую внешнюю политику Италии, Австрии и Венгрии. Это было большой победой Муссолини над Гитлером в австрийском вопросе.

Муссолини добился от Англии и Франции согласия на заключение вышеупомянутого соглашения, ибо присоединение Австро-Венгрии к Германии, чего так добивался Гитлер, или заключение с ними аншлуса было бы ударом по Италии, боящейся потерять австрийский Тироль, по Франции, Англии и вообще всем соседним с Германией странам, для которых опасно усиление Германии. Заключение союза Италии с Австрией и Венгрией является пресечением германской экспансии, которой боится союзники, так как Австро-Венгрия с военной точки зрения представляет собою стратегический плацдарм, где скрещиваются стратегические пути Италии, Германии и Франции и обладание которым дает огромные преимущества в случае войны. Чехословакия, Румыния и Югославия также боится усиления Германии и заинтересованы в независимости Австрии и Венгрии постольку, поскольку Малая Антанта сохраняет себе связь с Францией через Австро-Венгрию. В борьбе за обладание последними лежит гарантия их «независимости» и угроза войны, ибо в

случае конфликта с Италией положение Малой Антанты станет затруднительным, так как железнодорожная связь между Югославией и Чехословакией будет прервана и силы Малой Антанты раздроблены. Но экономическими выгодами Муссолини надеется склонить их на свою сторону.

Сейчас же после заключения политико-экономического соглашения между Италией, Австрией и Венгрией, по которому Австрии гарантирован свободный порт в Триесте, а Венгрии — в Фиуме, Муссолини выступил с большой речью, в которой он обещал Венгрии поддержку Италии в борьбе за возвращение отнятых у Венгрии территорий, а что касается Австрии, то последняя «всегда может рассчитывать на поддержку Италии, которая не пощадит ничего, чтобы помочь ей». Это значило, что карта Гитлера оказалась битой и что в дальнейшем Будапешт и Вена будут следовать указаниям Рима и в точности выполнять поручения Муссолини, одной из целей которого является создание в Австро-Венгрии корпоративного государства, что обеспечит им более тесный союз с Италией и вооружение их Муссолини.

Чтобы показать себя другом Италии, Гитлер, укрепляя сердце, тоже отправился на поклон к Муссолини. Это июньское свидание двух диктаторов давало Муссолини возможность восстановить прежний тройственный союз Италии с Австро-Венгрией и Германией. В речи 15 июня дуче заявил, что он встретился с Гитлером для того, чтобы рассеять темные тучи над Европой, стоявшей перед страшной угрозой войны, если не будет достигнуто политическое взаимоотношение, экономическое сотрудничество и социальная разумность: что он хочет привлечь Германию и Польшу к экономическому соглашению с Италией, с Австрией и Венгрией и что величие Италии он будет защищать пулеметом.

Потерпев дипломатическую неудачу, Гитлер, подталкиваемый своими ставленниками крупными капиталистами, решил форсировать события. Спустя две недели, он устроил своим штурмовикам кровавую «чистку», расстреляв 77 ближайших своих по-

мощников и соратников. Это произошло 30 июня 1934 года, а через три недели, т. е. 25 июля австрийские наци, инспирируемые и субсидируемые германскими нацистами, подняли в Австрии восстание, захватили канцлерство и убили фашистского диктатора Дольфуса, лакея Муссолини. Они могли, конечно, захватить власть в свои руки, но тут-то Гитлер растерялся и одернул узду, отрекшись от претензий на Австрию, так как с согласия Англии и Франции — Италия сосредоточила свои войска на австрийской границе, а это грозило немедленной войной, к которой Гитлер не был достаточно подготовлен.

Восстание в Австрии финансировалось, главным образом сталелитейным германским концерном Тиссенем, способствовавшим возведению Гитлера в диктаторы и добывающимся аншлусса с Австрией потому, что он хочет, чтобы величайшие в мире залежи железной руды, находящейся в горе Эрцберг в Штирии и принадлежащей австрийской компании Альпин Гезельшафт, у которой работает 60,000 человек, — находились в пределах Германии. Против Тиссена и его поплзновений вели борьбу его конкуренты — католики из Рейнской области, которые из боязни быть поглощенными Тиссеном тайно финансировали австрийский хаймвер, который вел борьбу против аншлусса с целью недопущения перехода в пределы Германии горы Эрцберг с ее колоссальными запасами железной руды, определяемой в миллиард тонн. Таким образом в Австрии руками наци и хаймвера боролись две группы германских промышленников.

Нацистское восстание в Австрии в борьбе за власть и влияние вызвало ожесточенную полемику между итальянскими и немецкими фашистами. Официозные газеты германских фашистов: «Дайтше Цейтунг» назвал сообщения итальянских газет об организации германскими агентами восстания в Австрии — «итальянской клеветой», а «Дер Ангриф» указал, что в Австрии имеются не только германские агенты, но и итальянские. Газеты Муссолини рьяно впадали на гитлеровцев.

Газета «Пополо ди Рома» от 28 июля 1934 года писала:

«Весь мир знал, что австрийские наци получают оружие из Германии, только Гитлер не знал этого... Все в Европе знали, кто поджиг рейхстаг, только Гитлер не знал этого. Все в Европе знали, каковы были порочные склонности Рема, только Гитлер не знал этого; он услышал о них только 30 июня и немедленно принял меры, чтобы спасти германское юношество от смертельной опасности. Когда — нибудь Гитлер узнает, что Геринг был в санатории 5 лет потому, что он — морфинист.

«Мы считаем наци убийцами Дольфуса. В стране, где убийство возведено в ранг государственного управления, одно убийство, быть может, означает мало. Но мы не придерживаемся такого мнения. Мы придерживаемся тех моральных принципов, которые наци, быть может, считают простой сентиментальностью, но которые являлись основой западной цивилизации. Мы считаем, что человеческая жизнь — священна».

Дальше газета приводит данные об австисемитизме, смешной форме поклонения, изобретении мифа арийской расы, преследованиях, убийствах и т. д., объясняя все это тем, что «в темных и диких дунгах их (немцев) живет жажда крови, которую цивилизация Рима и 20 веков христианства отодвинули на задний план у примитивных германских племен». Другая газета «Мессажеро», напомнив о том, что фон Папен искусно шпионил в Соед. Штатах и что наци думают назначением его послом в Вену добиться осуществления только что провалившегося плана, — писала:

«Теперь, когда маневр наци не удался, злой зверь немедленно обнаруживает свою природу. Он инстинктивно задумывает новые кровавые деяния, новые преследования, новую месть... Происходят эти безответственные угрозы от моральной низости или от явного духовного расхождения с остальным миром, или же эти угрозы соответствуют хорошо определившимся намерениям и конкретным планам? Во всяком

случае Европа или, по крайней мере, цивилизованная часть ее держится настороже, а итальянские солдаты в Бренерском проходе и на границах Каринтии готовы ко всяким случайностям».

Нмецкие газеты в свою очередь подвергли суровой критике Муссолини, стремящегося к усилению своей власти в Австрии, напомнив ему, что в 1915 г. Италия изменила своим союзникам — Германии и Австро - Венгрии, а теперь превращает Австрию в своего вассала. Мы нарочно привели выдержки из фашистских газет для того, чтобы дать краткую характеристику и определение природы итальянского и германского фашизма их собственными словами. Между ними разницы нет, оба фашизма тождественны, а Муссолини и Гитлер стоят друг друга.

Место Дольфуса занял Шуминг и в Австрии утвердился католический фашизм, диктатура католических иезуитов, ничем не отличающаяся от диктатуры Муссолини, Гитлера или Сталина. Уничтожены все гражданские свободы — слова, печати, союзов, собраний, демонстраций и т. п. По большевистскому образцу введен институт заложничества, восстановлена смертная казнь, учреждены концлагери и развернут свирепый террор. Рабочие лишены всяких прав и страшно бедствуют, зато развратный, прогнивший насквозь и смердящий католицизм достиг вершины величия. Школьное обучение перешло под контроль иезуитов, учителя заменены монахинями, церковный брак стал обязательным и без рекомендации ксендза рабочий службы не получит. Только в одной Вене в прошлом 1934 году было построено 19 новых католических церквей, когда сотни тысяч людей живут в ужасающей нищете и голодают. Из этого, конечно, не следует, что та или другая разновидность фашизма лучше. Все они кроваважны и вредны и должны быть уничтожены, как социальное зло.

Полемика же между итальянскими и германскими фашистами по поводу событий в Австрии явилась откликом передела в отношениях Италии и Германии. До убий-

ства Дольфуса Муссолини и Гитлер выступили единодушно в крупных вопросах международной политики, как о вооружении Германии, об отношении к Лиге Наций и проч., но когда одна собака ухватила кость, а другая, зарывчав, бросилась отнимать ее силой, отношения между ними изменились.

Франко - итальянское соглашение, состоявшееся в Риме между Муссолини и французским министром иудей Лавалем в январе 1935 года, укрепило позицию Италии. Оно, кроме территориальных уступок, данных Францией Италии в Африке, предусматривает противодействие усилению Германии, согласование франко - итальянской внешней политики и гарантирование «независимости» Австрии, а также много других вопросов, остающихся дипломатической тайной.

Вскоре после заключения франко-итальянского соглашения Шушнинг уехал на поклон в столицы великих держав. В конце февраля 1935 года он подписал вышеуказанное соглашение. Было заключено

также соглашение по другим вопросам, обсуждавшимся в Париже между Шушнингом и Фланденом с Лавалем. Франция обещала Австрии полную поддержку для сохранения ее нынешней «независимости». Компенсацией за поддержку будет проектируемый «дунайский договор», который даст Франции торговые выгоды в центральной Европе. К нему примкнут Малая Антанта и Венгрия.

Несмотря на все эти писанные договоры и соглашения, которые в решительные минуты являются простыми клочками бумаги, несмотря на победу Муссолини над Гитлером, — австрийский вопрос остается неразрешенным, и борьба за Австрию продолжается и по сей день: Гитлер не оставил надежд на ее приобретение. 12-го марта т. г. Австрия обратилась к Германии за разъяснением значения слов Гитлера, напечатанных в официальной прессе, что «то, что произошло в Сааре, произойдет и в Австрии»...

Борьба за Австрию продолжается.

К. Ф. ГОРИН.

Христианство и социализм.

Среди идей, воспринятых человечеством, наиболее глубокие следы оставят христианство и социализм. Эти идеи по своим конечным целям противоположны, но по значению и влиянию на умы людей, они тождественны.

Общность этих идей выражается не только во влиянии, но и в применяемых «христианами» и «социалистами» репрессиях против инакомыслящих и еретиков.

Христианство с его идеалом ввести человечество в царство вечного блаженства после смерти, породило в средние века, в период своего могущества, дикую реакционную силу — инквизицию, подвергавшую свои жертвы разным пыткам, гонениям и сжигание людей живьем на кострах, на которых 32,000 было сожжено в одной только Испании. Такую же реакцию и уничтожение людей, насколько это можно из опытов в России, создал так называемый современный социализм. Поче-

му же такие, кажущиеся на первый взгляд хорошие идеи порождают такие бедствия? Ведь христианство учит братству, всепрощению обид и разных грехов. А социализм — равенству перед законом, экономическому обеспечению всех и всемирному братству. Кажется, чего бы желать лучшего? Следуй только по программе этих учений, так и войдешь в царство вечного благополучия. Но из опытов прошлого и настоящего мы видим совсем другое: «сверхчеловеческое» христианское учение ничуть не изменило психологию людей. Люди принимали это учение лишь для прикрытия своих плохих дел. Особенно оно способствовало развитию дурных наклонностей среди властолюбивых личностей.

Последние могли творить всякие непристойные дела, а потом «раскаяться» — им все прощалось. Священнослужителям в большинстве своем, выделили себя в рас-

зу тунеядцев с разными чинопочитаниями, а римско-католическая церковь, помимо введения инквизиции, допустила еще такую спекуляцию христианством, как продажа индульгенций. Все это могло случиться потому, что христианство можно было по-разному истолковывать. Расплывчатость этого учения привлекла в свои ряды огромные массы народа, это также способствовала развитию многочисленных сект, запутывающих еще более смысл его, что впоследствии, однако, послужило поводом к перенесению искания путей жизни из области мистической в область реальную.

Правда, человечество вообще еще стоит далеко от сознания своих реальных потребностей жизни, но некоторые из его членов уже сделали значительные сдвиги к улучшению быта и нам уже не грозит смертная казнь на костре за отказ от христианства.

Человечество все-таки движется вперед. На ряду с открытиями и усовершенствованиями технических оборудования, мы обогатились и идеями свободы. Все эти достижения могли бы быть вполне использованы для блага всего человечества, если бы идеи свободы имели благоприятную почву для своего окончательного осуществления.

Но история человечества не знает периодов, где все соответствовало бы проведению в жизнь хороших начинаний. Так случилось за последнее столетие и с идеями свободы. В области идей свободы, на ряду с действительно освободительными идеями, сумели занять место в умах народных масс и идеи спекулятивные. К отряду таких идей относятся все социалистические идеи государственного направления.

Как известно, все социалисты государственники стремятся к захвату власти, поэтому они для захвата и удержания ее за собой, стараются использовать все методы властителей, не исключая и самых деспотических. Отсюда у них происходит лозунг «все средства хороши», или «цель оправдывает средства». Этот лозунг, как и христианский «все грехи прощаются», дает

оправдание всем действиям деспотических личностей, совершаемым от имени социализма.

Нет сомнения, что современный социализм с его «революционными» трибуналами, напоминает до некоторой степени средневековое христианство с его инквизиторскими судилищами. Если средневековый инквизитор творил дикую расправу над своими жертвами во имя божие, то он еще мог иметь оправдание, ибо в то время не было наук, но какое оправдание может иметь современный революционный трибунал, уничтожающий людей борющихся за независимость народностей и свободу личности, после всех научных достижений человечества.

Где же та свобода, о которой так много говорят социалисты? Кого они освобождают? Ведь свобода личности в государствах, где социалистам удается очутиться у власти, ценится так же, как во всяких иных государствах. Не только отдельные личности, но целые народы вынуждены терпеть от социалистов такие же притеснения, как и от всяких других властителей. В действительности, между ними нет разницы, за исключением названия. Оттого, что социалисты называют свою власть народной, или пролетарской, суть ее не меняется.

Всякая власть создавалась и создается в пользу отдельных людей, касты или партий, для того, чтобы они могли властвовать над народом, а народной власти, как власти большинства, быть не может. О власти большинства могут говорить только явные жулики людям совсем неразбирающимся в этом вопросе. Ведь мы знаем, что иметь власть, это значит, иметь возможность безпрестанно проявлять свои индивидуальные способности и удовлетворять желания. И если большинство народа будет иметь таковую, возможность проявлять свои индивидуальные особенности, то последние примут такие разнообразные формы, что утратится всякая связь единства и получится не форменная власть, а безвластие. Такого разнообразия социалисты не допускают, а подавля-

ют разными реакционными мероприятиями, поэтому их фразеология «народная власть» — грубый обман.

Этот обман так или иначе, в конце концов, будет обнаружен народными массами и за него социалистам придется дать ответ.

Жизненный опыт учит нас, что никакой обман не пройдет безнаказанно. Народная поговорка гласит: «раз украл, а на целую жизнь остался вором». Это народное изречение говорит о справедливости красноречивее христианского «всепрощения грехов» и социалистического «цель оправдывает средства».

Вопреки всем искусственным хитро-

сплетениям, в народных массах еще продолжает существовать мерило справедливости, следуя которому человеку не придется ни раскаиваться, ни искать цели для оправдания своих поступков. Мерило это гласит: не лукавствуй, а живи в границах возможного. Справедливость и свобода возможны только в пределах реального, поэтому для осуществления их человечеству необходимо освободиться от мистики, поддерживаемой христианством и вообще религиями, а также от демагогии, поддерживаемой социалистами.

О. КОТОВ.

Канада.

МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ И СООБЩЕНИЯ

ПРОИЗВОЛЬНАЯ ДЕПОРТАЦИЯ ЛЮДЕЙ

Общественное мнение в Калифорнии встревожено новым проявлением правительственного произвола. Два итальянца — Винсент Ферреро и Доминик Саллитто, прибывшие в Соед. Штаты, первый — 36 лет назад, а второй — 15 лет, легально, конечно, — очутились под угрозой депортации в фашистскую Италию по одному подозрению в «сочувствии» анархическому движению.

Ферреро и Саллитто в Окленд, Кал., имеют ресторан. Часть занимаемого ими помещения они сдали в аренду редактору анархического журнала «Мэн», за это накликали на себя гнев властей, которые приписали им «сочувственное» к анархизму отношение. Этого оказалось достаточно для того, чтобы возбудить против Ферреро и Саллитто дело о депортации их из страны.

В дело вмешался Американский Союз гражданских свобод, обжаловавший распоряжение властей о депортации суда. Очень вероятно, что дело будет доведено до высшего федерального суда, так как в данном случае важно отстоять принцип свободы мысли, гарантированный американской конституцией.

Философия анархизма не объявлена конституцией вне закона. Быть анархи-

стом так же «законно», как и быть демократом, республиканцем, или националистом. Отдельные анархисты прибегали к индивидуальному террору, но президент Линкольн ведь был убит не анархистом, а демократом, мстившим ему за освобождение чернокожих рабов.

Террористический акт серба-националиста вызвал Мировую войну, приведшую к истреблению миллионов людей и неисчислимым материальным потерям и бедствиям. Террор и насилие в настоящее время превратились в орудие борьбы воинствующих фашизма, национализма и большевизма.

При таком положении вещей винить анархистов во всех смертных грехах несправедливо и не имеет оснований. Исключительные законы против иностранцев-анархистов, нельзя считать конституционными. Ведь не было еще случая, чтобы коренного американца судили за его анархические убеждения. Закон американцу не запрещает быть анархистом. Гарантированная конституцией свобода слова предоставляет ему право пропаганды анархических идей, переустройства общества на безвластных началах, не прибегая к насильственным действиям.

Если анархизм сам по себе не составляет ничего противозаконного и антикон-

ституционного, то с какой-же стати преследовать иностранцев за их анархические убеждения? Раз американцу можно быть анархистом, то очевидно такое же право, согласно конституции, должен иметь и каждый иностранец. А если, под впечатлением тех или иных событий, были проведены исключительные законы против иностранцев, то очевидно, что они являются противоконституционными и надо добиваться отмены их судом.

Защита Винсента Ферреро и Доминика Саллино и поставила себе такую цель. Дело, вероятно, дойдет до высшего суда. Нужны, конечно, средства и моральная поддержка в виде устройства митингов протеста, отправки телеграмм Министру труда и протестов в печать против высылки людей по одному подозрению в Италию, где их ожидают репрессии и верная гибель в ссылке.

Письма и пожертвования просят направлять в адрес:

Auxiliary Defense Committee
A. B. Botti, 590 Duncan St.,
San Francisco, Calif.

На складе «Социалистического Вестника» имеется в продаже по особо удешевленной цене основной труд по всем областям международной статистики на немецком языке (в семи томах с одним дополнительным томом):

WL. WOYTINSKY — "DIE WELT IN ZAHLEN"

Цена всех 8 томов (некоторая часть в переплете) 150 фр. (вместо 1000 фр.) — Цена отдельного тома 25 фр. в переплете и 20 фр. без переплета. Пересылка за счет заказчика.

Le Courrier Socialiste — 141, rue Broca,
bit. 11. Paris 13-е.

**

ОТЧЕТ ФЕДЕРАЦИИ РАБОЧИХ СОЮЗОВ

БЕЗВЛАСТНИКОВ от 28 января по 20-ое
июля 1935 г.

ЗА «ПРОБУЖДЕНИЕ»

Детройт, Профсоюз	22.05
Нью Йорк, Кр. Д. Свободы	23.00

Филадельфия, Группа «Пробуждение»	17.80
Виндзор, Канада, Р.С. «Самообразование»	12.00
Балтимор, О-во «Самообразование»	7.65
Кливленд, С. Борков	5.00
Нью Кестл, М. Осипук	5.00
Эмбридж, П. Руль	4.50
Вотербури, В. Арсенук	6.00
Бруклин, Б. Войтович	4.30

Гамильтон, Канада, Группа через П. Якимова	3.90
Аргентина, А. Куница	3.00
Рочестер, Л. Лазарев	2.00
Нью Бритон, Т. Родак	1.50
Гартфорд, М. Лавренук	1.00
Камел, С. Смал	1.00
Фриквил, Я. Ромаш	1.00

Всего	120.70
-------	--------

ЗА БРОШЮРЫ:

Балтимор, О-во «Самообразование»	2.10
Гамильтон, Группа	1.00
Фриквил, Я. Ромаш	0.50
Вотербури, В. Арсенук	1.00
Всего	4.60

ПО ПОДПИСНЫМ ЛИСТАМ:

Детройт, Профсоюз, подписной лист номер 24	28.75
Гамильтон, П. Якимов	7.10

Всего	35.85
-------	-------

В ФОНД СОТРУДНИКОВ В ЕВРОПЕ

Кр. Д. Свободы	5.00	Профсоюз	3.00	Р.
Маловичко	1.00	Н. Демидович	1.00	Н.
Иванов	1.00	П. Гулько	1.00	П.
Мелешко	1.00	С. Кравчук	2.00	С.
Дубас	1.00	М. Давидовский	1.00	А.
Хведынич	0.25	Я. Ромаш	1.00	М.
Мищенко	1.00	В. Радуха	1.00	Т.
Родак	0.50	М. Лавренук	0.25	Г.
Дзюрин	0.25	П. Кулеш	0.25	С.
Яненко	0.25	О. Хомич	0.15	А.
Чурило	0.25			

Всего	22.15
-------	-------

ДОБРОВОЛЬНЫЙ ФОНД:

Детройт, Профсоюз	5.00	П. Ковальчук
8.00	А. Омельчук	1.00
Е—ов	1.00	
Левинг, Н. Иванов	3.50	

Гери. Н. Гвай	5.00
А. Савич	5.00
Нью Йорк, Группа	5.00
Бронкс, В. Гершенфельд	5.00
Либерты, Г. Сыч	3.00
Гранд Ранидс, П. Чиж	5.00
Кливланд, В. Марч	2.00
Акрон, П. Бюрков	1.00
Канада, М. Северный	1.15
Фриквил, Я. Ромаш	1.00
Нью Орлеан, И. Голдберг	1.00
Ниагара Фолс, Р. Маловичко	3.00
Бруклин, Б. Войтович	1.75
Ферденал, С. Кравчук	1.00

Всего	58,40
Филадельфия, Группа «Пробуждение» от розыгрыша книг	36.15

Итого приходу 277,85

РАСХОД:

Издание журнала	210.00
Почтовые расходы	39.22
Сотрудникам в Европе	25.00
Перевод статей	14.00
Вyslано на книгу Махно	10.00
Вyslано в ИАМБ	2.00
Выплачено долга тов. П. Ковальчуку	20.00

Итого расходу 320.22

Дефицит	42.37
Старый дефицит	43.59
Всего дефицита	85.96.
Товарищи!	

Кто пробуждает русскую колонию и побуждает познать самого себя? Кто помогает ей изучать, освещать, разъяснять и углублять идеал анархизма? Кто указывает ей путь к общезнанию, где не будет ни начальства, ни государства, ни церкви. Все это делает журнал «Пробуждение». Вот уже 9-й год, как «Пробуждение» указывает, как перестроить современное общество на новых свободных началах.

Товарищи! Если вы верите в торжество идей анархизма; если вы не ищете союзников, чтобы закрыть журнал «Пробуждение; если вы желаете, чтобы журнал вы-

ходил регулярно, то пришлите кто сколько сможет, чтобы покрыть дефицит в 85 дол. 96 с. Покрыть его можно, если мы все только того захочем. Слово за вами, товарищи! Кто первый пришлет свою лепту на покрытие дефицита?

КОМИССИЯ:

В. Подольнин, Т. Шумович.

НОВЫЕ КНИГИ

Товарищи, желающие приобрести два ценных романа известного писателя И. Ф. Наживина: 1) «Евангелие от Фомы», в 420 стр., с портретом автора. Цена 1 д. 10 сен., с пересылкой 1 д. 25 сен.

2) «Древние Письмена», в 286 страниц. Цена 1 дол., с пересылкой 1 дол. 15 сен. Убедительно просим всех обращаться в книжный магазин «Пробуждение».

ОТЧЕТ МУЗЕЙНОЙ КОМИССИИ НА 1934 ГОД.

Первый отчет Музейной Комиссии обнимает собою полугодовой переход от 15 июля 1933 года, когда было созвано расширенное заседание с участием ряда видных работников Московских Музеев, наметившее путь реорганизации Музея, до конца года.

Второй отчет Музейной Комиссии обнимает работу комиссии за год. За истекший год комиссия собиралась 9 раз и за это время выполнила ряд предложений, сделанных совещанием экспертов 15.7.33 г. в области тематики.

1. Пополнить эконоимический и общественно - политический фонд, на котором протекала деятельность Петра Алексеевича в эпоху Николая I, 60-х годов, 1 и 11-го Интернационала, 1905 год и эпохи войны 1914—18 гг. Эта работа еще не окончена, ведется Ник Алекс. Кропоткиным. Доклад его принят в заседании 5.1.34 г.

2. Пополнить характеристику П. А., как ученого и мыслителя. Пополнена в области истории русской литературы (станд разработан В. А. Перелешиним совместно с И. П. Неведомским и утверж-

деп 13.V. В области взаимопомощи и этики — в процессе разработки (специальный зал пополнен 3 картинками худ. Комарова и рядом цитат, утвержденных журналами 25. 5 и 3. VII. Остается оформить его). В области истории земли — составлен экспонат — к высыланию Евро-Азии, застеклены карты Сибири. В области истории — подготавливается стенд к Истории Великой Французской Революции. В области социологии и экономики — отмечен ряд цитат из трудов П. А.

В ОБЛАСТИ ТЕХНИЧЕСКОГО ОФОРМЛЕНИЯ

Траурная комната переделана художниками Анисимовой Т. и Шорчевым.

Систематизация экспонатов коснулась только части произведений Петра Алексеевича, которые размещаются по эпохам их написания.

Улучшение этикетажа — ведется по мере возможности.

Застекление экспонатов — в мере наличия стекла и картона.

ПО ПОЧИНУ МУЗЕЙНОЙ КОМИССИИ

4. 1. Принят проект отчета Музейной Комиссии.

18. II. Принято оформление траурной комнаты и выражена благодарность племяннице Оскара Эдуардовича Веймара, принесшей в дар Музею тиснение по коже, выполненное Веймаром в Карийской каторжной тюрьме и ряд фотографий.

6. III. Помещена перед траурной комнатой доска бюллетеней о последних днях жизни Петра Алексеевича.

13. V. Оформлен стенд «Идеалы и действительность в русской литературе», а книги, занимавшие витрину, размещены по витринам и комнатам соответствующих годов их написания.

Первый проект размещения портретов предков отклонен и передан на переработку.

25. V. Оформлен щиток откликов русской прессы на кончину Петра Алексеевича.

Утверждены цитаты в 3 зале «Кропоткин, как революционер — О коммуни-

стической обработке земли, выдержки из речи в Лионском суде и в 5 зале «Взаимопомощи и Этики» — цитаты по кооперации.

3. VII. Утверждены цитаты в 5-ом зале по кооперации и по этике, и в 1-й зал — пояснение к родословной.

В помощь скульптору Королеву заказаны фотоснимки с барельефа и бюста Цейтлина и с зарисовок скульптора Андреева.

Заслушана и принята схема кадров сценария «Кропоткин», составленный П. А. Кропоткиным и В. А. Перелешиним.

3. VIII. Утвержден в зал 8-й текст отзывов Толстого о Кропоткине и Кропоткина о Толстом.

В зал 2-й цитаты о Чайковцах.

15. VIII. Специальной Комиссией по увековечению памяти Николая Константиновича Лебедева намечен проект стенда его имени, собрать его труды, поручено Наталии Алекс. Критской; составить его биографию, Полову — дать библиографию его трудов. Перелешину — отчет о его работе в музее, и предпринять шаги к окончанию и переизданию его трудов.

3. X. Утверждены цитаты в зал 1, 2, 3, 5..

Заслушан проект сценария «П. А. Кропоткин» и сделаны замечания к его исправлению.

Музейная комиссия, предлагая данный доклад на утверждение по своей работе за 34 год и выдвигает следующий план реорганизации музея.

1. В связи с выясняющейся возможностью выезда заведующего музеем М. П. Шебалина в собственную квартиру предлагается развернуть во временно занимаемом им музейном зале — экспонаты, относящиеся к периоду жизни и деятельности П. А. Кропоткина по возвращению его в Россию.

2. Освободившуюся часть зала № 4 занять экспонатами по жизни П. А. Кропоткина в Англии, где иллюстрировать историю Великой Французской Революции и другие его основные труды этого периода.

3. В зале № 3, в связи с освобо-

щающейся площадью стен развернуть экспонаты, относящиеся к жизни П. А. Кропоткина во Франции и Швейцарии, включая стэнд Чайковцев и Интернационал.

4. В зале № 2 разместить исчерпывающий материал по работам П. А. в области географии и геологии, разгрузив зал № 1 от Сибирских экспонатов.

5. В зале № 1 поместить экспонаты, касающиеся жизни и деятельности Александра Алексеевича Кропоткина.

Председатель Музейной Комиссии

Гориневский.

Секретарь

Перелешин.

ФИНАНСОВЫЙ ОТЧЕТ ПО МУЗЕЮ ИМЕНИ П. А. КРОПОТКИНА В МОСКВЕ

Остаток на январь 1934 г.	35,739.87
Поступило за 1934 год	411.60
ВСЕГО	36,150.47.

Расходы за 1934 год	19,739.59
Остаток на январь 1935 год	16,411.88
За кн. и проценты за 1934 год	1,380.47
В кассе на 1 января 1935 г.	17,792.35.

В виду того, что средства на помощь Музею поступают очень слабо, смета на 1935 год намечена в 15,000 рублей, — на 5,000 руб. меньше 1934 г.

Наша просьба ко всем тем, кто находит нужным поддерживать исторический памятник известному революционеру и анархисту П. А. Кропоткину, в лице его музея, поспешить с присылкой денег на помощь Музею. Мы надеемся, что товарищи откликнутся и пришлют посильную помощь.

Нью-Йоркский Комитет Помощи Музею
P. Wirchuk
c/o Music Store 123 Avenue A,
New York, N. Y.

Секретарь

Д. Г.

КНИГИ НА СКЛАДЕ «ПРОБУЖДЕНИЯ»

Ж. Грав — Умиравшее общество и Анархия	25 с.
Ж. ГРАВ — Синдикализм в общественном развитии	05 с.
А. КАРЕЛИН — Смертная казнь	10 с.
А. КАРЕЛИН — Новое краткое изложение политической экономии	25 с.
НОВОМИРСКИЙ — Из программы синдикального анархизма	25 с.
Э. МАЛАТЕСТА — Крестьянские речи	10 с.
Э. Реклю — Избранные сочинения	25 с.
ПЕСНИ ТРУДА. — Сборник революционных песен и стихов	10 с.
Э. ПУЖЕ — Основы синдикализма	15 с.
П. РОВЭН, Ф. Ньювенгус — Свободное трудовое воспитание	15 с.
М. КОРН — Революционный синдикализм и анархизм	10 с.
Н. ЛЕБЕДЕВ — Э. Реклю, как человек, ученый и мыслитель	10 с.
А. БОРОВОЙ — Личность и общество в РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ и анархизм.	
Доклады и заключения 1906 г.	10 с.

НОВАЯ КНИГА

Вышла из печати и поступила в продажу книга Минского Мужика: «Что я ви-

дел в Советской России?» Цена с пересылкой 1 долл. 15 цен.

Э. ГЛЫДМАН — Анархизм	10 с.
Е. ЯРЧУК — Крошгадт в Русской Революции	15 с.
М. БАКУНИН — Избранные Сочинения	25 с.
М. БАКУНИН — Полное сочинение в 5 томах	2,50 с.
Д. МАККАИ — Анархисты	50 с.
Л. ЧЕРНЫЙ — Ассоциационный анархизм	75 с.
А. ГОРЕЛИК — Анархисты в Русской революции	10 с.
В. ЭЙХЕНБАУМ (Волки) — Стихотворения	60 с.
П. КРОПОТКИН — Взаимная помощь, как фактор эволюции	25 с.
——— Этика	75 с.
——— Поля, фабрики и мастерские	75 с.
——— Анархия	10 с.
——— Государство, его роль в истории	10 с.
——— Справедливость и нравственность	05 с.
Н. РУБАКИН — Великий Инквизитор	25 с.

Открыта подписка НА ЖУРНАЛ ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган Федерации Рабочих Союзов Безвластников
Соединенных Штатов и Канады.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 75 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 1 ДОЛЛАР

ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

“PROBUZHDENIE”

9219 Russell Street, Detroit, Michigan

.....

ПРОСЬБА К ТОВАРИЩАМ.

Ничто так не оживляет и не связывает читателя с журналом, как различные сообщения с мест о том, что происходит на фабриках, в шахтах, рабочих организациях и т. д.

Редакционная Коллегия “Пробуждения” просит поэтому товарищей присылать нам краткие сообщения, заметки и корреспонденции об анархическом и рабочем движении.

Мы также просим, товарищи, вашего содействия по распространению журнала, подписанию новых подписчиков, и об оказании ему вашей моральной и материальной помощи.

Только при дружной товарищеской поддержке журнал сможет выходить регулярно, и выполнять возложенную на него миссию распространения безвластических идей свободы и международного братства людей.

С товарищеским приветом

Редакционная Коллегия.